

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

КРИК СОВЫ ПЕРЕД КОНЦОМ СЕЗОНА

РОМАН

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

(ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

Глава первая

Высокий мужчина в дорогом чёрном пальто и тёмной норковой шапке дважды обошёл памятник Пушкину, остановился и поглядел на часы. Он не нервничал — время ещё было, но холодная январская сырость стала доставать, несмотря на тёплые ботинки и пушистый тёплый шарф. Мужчина огляделся, похоже, кого-то выискивая. На противоположной стороне улицы, в начале Тверского бульвара, рабочие разбирали высокую искусственную ёлку. Выбросы машин смешивались с холодной влагой воздуха, и сквозь сизую дымку городского смога даже недалёкие дома виделись размытыми, как на невысохшей акварельной картинке. Мужчина повернулся к памятнику, поднял голову вверх. Тёмное лицо поэта показалось ему грустным. «Как ты здесь жил, Александр Сергеич? Савельев говорил: в детстве тебя напугало землетрясение. Ну, сегодня наших детей таким уже не испугаешь. Еду отнимут — это страшно. А землетрясение в Москве — только посмеются».

— Привет, Володя! Давно ждёшь? — услышал он знакомый голос.

— А-а, Андрей! Можно сказать: только пришёл. Я ведь знаю твою пунктуальность. Раньше времени приходиться — зря себя морозить. Ну, здравствуй, Андрюша! Здравствуй, Вольт!

— Здорово, здорово, Франк, — улыбувшись, в тон ему ответил подошедший.

Мужчины обнялись. Отодвинувшись, оглядели друг друга. Тот, что в дорогом пальто, потрогал пышные усы, с явной радостью уставился на товарища.

— Достойно выглядишь. Достойно. Правильно Виктор говорит: Андрея Нестеренко годы не берут.

— Да и вы с ним — не залежалый товар. Глядишь на себя в зеркало? Чёрно-бурый лис. Усы только пегие... Под цвет волка...

Окончание. Начало в № 8-9 за 2013 г.

В тексте романа сохранена разговорная орфография автора.

— А я, между прочим, Андрей, ни разу не охотился на волков. Сейчас их, наверно, много развелось...

— Да, сегодня волчье время. Хоть в природе, хоть в обществе. Виктор не перезванивал? Ждать его не придётся?

— Нет. А вот и он!

Со стороны подземного перехода, лавируя среди людей, с небольшим портфелем в руке, к памятнику шёл Савельев.

— Экипаж в сборе, — сказал Нестеренко, здороваясь с журналистом. Повернулся к Волкову.

— Теперь веди нас, командир.

— Надо перейти на ту сторону Тверской, — проговорил Владимир и первым двинулся к подземному переходу. Идти было скользко. Снег кое-как почистили только у памятника, сдвинув сугробы к скамейкам. На тротуаре народ давил сапогами и ботинками снежную мешанину, разбрызгивая обувь грязное месиво. Тут и там оно намерзло ледяными кочками, и люди, балансируя, взмахивая, как канатоходцы, руками, старались не упасть. Из гигантских репродукторов возле кинотеатра “Пушкинский”, который до недавнего времени назывался “Россия”, неслась оглушающая музыка. Хотя уже прошло пол-января, над входом в кинотеатр ещё висела истрёпанная непогодой перетяжка: “С Новым 1999 годом”.

Начав спускаться по скользкой, с намёрзлостями, лестнице вниз, Савельев поднял взгляд на восьмиэтажное здание “Известий”, вытянутое вдоль Тверской. Когда-то этот дом, как и сама редакция газеты, на демократических сборах возвышенно именовались “рупором гласности”. Теперь буквально вплотную к “рупору”, загородив вход в редакцию, презрев все градостроительные и архитектурные нормы, новые хозяева города возвели торговые помещения высотой до третьего этажа “Известий”. А остальные этажи, на всю длину здания, занавесили огромным рекламным полотном.

— Наверно, света белого не видят, — сказал Савельев.

— Ты про кого? — спросил Волков.

— Да вот про нынешних журналистов “Известий”, — показал Виктор на полотнище, за которым нельзя было разглядеть даже окна. — Заткнули “рупор гласности”.

— Так им и надо, — заявил Нестеренко. — Сделали гнусное дело — и больше не нужны. Теперь можно грязной половой тряпкой в морду.

— Злой ты, Андрюха, — усмехнулся Волков.

— Нет. Справедливый. Каждый должен отвечать за свои дела.

— К сожалению, тех, кто бил из этой “амбразуры гласности” по стране и защищал Ельцина в октябре 93-го, там уже нет, — сказал Савельев, повышая голос, чтобы перекрыть шум густеющей в переходе толпы. — Одних купили олигархи для своих газет. Других новые владельцы разогнали. Эти перебиваются кое-как на ельцинские пенсии. Правильно Андрей говорит: не нужны стали. А значит — на выброс. Я недавно встретил одну демократку из бывшей моей газеты. Вы не поверите! — возле “мусорки”!

Виктор действительно был поражён той встречей. Оставив машину на Ленинском проспекте, он двором перешёл к дому, где жил именитый в прошлом конструктор. С ним журналист должен был сделать большое интервью. Возвращаясь назад, Виктор решил сократить путь. Короткая дорога проходила мимо мусорных баков. Мусор, видимо, не убирали давно. Он не только переполнил баки, но и валялся кучами возле них. В пакетах копались двое мужчин и немолодая женщина. В ноябрьских сумерках трудно было разглядеть лица, да Савельев и не особенно вглядывался в них. Было время, когда он страдал, видя копошащихся в мусоре людей. Несколько раз заговаривал с ними. После этого страдания только усиливались. Превращение ещё недавно благополучных граждан в социальные отбросы вызывало у него гнев. Вся страна становилась большой “мусоркой”, вбирающей всё новые судьбы.

Савельев уже почти прошёл мимо разбирающих пакеты людей, как вдруг увидел мгновенный, словно выстрел, брошенный на него снизу, от кучи мусора, взгляд женщины. Этот взгляд Виктор никогда не спутал бы ни с чьим другим. Так смотрела когда-то на “врагов демократии” Вера Григорьевна

Окунева. Однако теперь злой до густоты взгляд её был обращён испепеляющим огнём не только наружу, но одновременно и внутрь, готовый, казалось, жечь обоюдоострым лазером и всё перед собой, и всё внутри излучателя.

Изумлённый Савельев встал, будто споткнулся. Такого превращения он не ожидал. После ГКЧП обозревательница отдела школ и вузов Окунева стала активным организатором внутриведомственного переворота. Газету объявили собственностью коллектива. Прежнего, “пластилинового” главного редактора — партийного ставленника, сняли. Решительней других требовала этого Окунева. Выбрали своего, демократичного. Вера Григорьевна вошла в группу инквизиторов, начавших очищать редакцию от “неблагонадёжных” журналистов методами раннего “чекизма”. Материалы “приговорённых” не печатали. Им даже не давали заданий, чтобы обвинить потом в бездействии. А когда человек приносил что-то написанное по своей инициативе, над ним с мазохистским наслаждением издевались, вырывали отдельные цитаты из текста, искажали их смысл, перебрасывали извращённые фразы от одного критика другому, затем следующему, как это делают упоённые собственной властью палачи с окровавленной жертвой.

Под запрет попадал любой материал, где “инквизиторам от демократии” удавалось разглядеть хотя бы единственный положительный факт из недавней жизни. В тоталитарной советской Системе должно было быть мрачным всё: экономика, социальная сфера, культура, бытовые условия. Особенный гнев у Веры Григорьевны Окуневой вызывало почему-то слово “патриотизм”. По этому поводу у Виктора с ней несколько раз возникали конфликты.

— Для вас, Савельев, наверно, даже Павлик Морозов патриот. Хотя по всем нравственным канонам — доносчик. Это советская система сделала из него героя и патриота. В любой стране доносительство — самое презренное дело. Только в бывшем Союзе считалось подвигом. Об этом убедительно рассказал известный писатель... э-э-э, ну, фамилия не имеет значения, он сейчас живёт в Штатах.

— А вы спросите его, если удастся, сколько раз его сдавали стукачи на новой родине? Доносительство в Штатах — дело доблести, славы и геройства. Там это поощряется от имени государства. На многих улицах поставлены особые дорожные знаки. На них или огромный глаз, или силуэт человека в шляпе и очках. Внизу написано: “Соседи следят”. На каждом автобусе, на шоссе через каждые пять километров вы увидите надпись: “Доносы принимаются через текст или по телефону 012. Анонимность доносителям гарантируется”. А ещё деньги платят за доносы. Шагу нельзя шагнуть неправильно, чтобы кто-нибудь тут же не позвонил в полицию, в налоговую инспекцию, в службу охраны животных, в комитет по правам ребёнка, ещё чёрт-те куда. Там детей с первых лет жизни учат доносить на родителей. Они с детского сада — Павлики Морозовы.

— Этого не может быть! Врёте вы, Савельев!

— А вы, оказывается, к тому же необразованная дама. Если вам недоступен уехавший в Америку писатель, спросите наших зарубежных соборов. Нашего в Германии спросите. Он вам расскажет, как там следят друг за другом и, если кому-то покажется, что вы в чём-то отклонились от установленных правил — только покажется! будьте уверены: донесут, стукнут, проинформируют. И это считается гражданской добродетелью. Патриотизмом.

— Не приплетайте сюда это поганое слово. Патриотизм — последнее прибежище негодяев.

— Значит, каждый человек, который защищает Родину и считает это патриотическим делом, негодяй? А уважение к великому прошлому своего народа и почитание его героев скудоумие?

Окунева бросила на Виктора молниеносный взгляд, и Савельеву показалось, что его хлестнул по лицу плотный, почти осязаемый кнут многовековой спрессованной злости.

— В стране-тюрьме не может быть настоящих героев, — медленно проговорила она. — Нам велели выдумывать их, и мы лакейски старались. Угодничали, соревновались друг с другом: у кого лучше получится, и кому больше заплатят.

— В героизм человека не верит тот, кто сам не способен на это. Гегель по такому случаю весьма точно сказал: “Для лакея нет героя. И не потому, что герой не есть герой, а потому что лакей есть лакей”. Знаете, мадам, я думаю, вам нужна другая страна. Эту вы ненавидите, её патриоты для вас негодяи, тогда што вас здесь держит? Бороться с ней можно издалека. По крайней мере, так будет комфортнее. И негодяи перестанут мешать.

— Не указывайте, где мне быть. Нам надо эту землю очистить от таких, как вы. Демократия победила, и теперь здесь наступит лучшая жизнь. Осталось убрать квасных патриотов.

Однако с Виктором, в отличие от других, справиться было труднее. За ним стояла большая масса российских депутатов и некоторые люди из ельцинского окружения. Но Савельев уже сам не хотел работать в газете, где под крики о демократии утвердилось тоталитарное одномыслие. Он ушёл в другое издание. Тем не менее, с некоторыми из прежних коллег встречался и знал, что происходит в когда-то близкой ему газете. А там началась борьба за собственность. Провозгласившие себя демократами руководители обманули демократические массы и захватили большинство собственности. Часть обладателей редакционных акций продана одним олигархам. Другая часть — их конкурентам. Свара разрасталась, забрызгивая грязью ещё недавно светлое чело популярной газеты. Наконец, развалилась и сама редакция. Коллективно избранный главный редактор тоже оказался, на взгляд вчерашних соратников, не без изъяна. Он взял несколько журналистов и пошёл служить самому одиозному олигарху.

Вера Григорьевна Окунева не интересовала Виктора, и он о ней никогда не расспрашивал. Из мимолётных упоминаний знал, что её отбросили от участия в дележе собственности, а в ходе реорганизаций уволили на пенсию. Потом кто-то вскользь рассказал, что за долги сына у Веры Григорьевны отобрали квартиру. “И вот он — финал, — подумал тогда Савельев. — Разрушала? Теперь собирай... мусор...” Подумал безразлично, ничуть не злорадствуя над судьбой агрессивной крушительницы, но и нисколько не жалея наклонившуюся к мусору старуху.

— В какой ресторан идём? — спросил он Волкова, возвращаясь в окружающую жизнь.

— Я тут недавно открыл новый ресторанчик — были там с моим президентом: понравилось. Избалованный француз, но вижу: хвалит искренне. Да и мне показался симпатичным. Надо будет Ташку сводить. Сейчас пройдем длинный этот переход... чёрт, людей сколько... грязища...

Москва стремительно раздувалась от прибывающего в неё народа. Если перед концом советской власти в столицу из ближайших областных центров ездили “колбасные поезда”, возвращая в тот же день пассажиров в свои города, то теперь полетраны стремились любыми способами закрепиться в Москве, обосноваться здесь хоть временно, а повезёт — постоянно. В больших и малых городах остановились заводы и крупные комбинаты, различные фабрики и предприятия жизнеобеспечения, закрылись научно-исследовательские и проектные институты, замерли начатые стройки, а из нового возводились, да и то лишь в Москве, здания банков и сверкающие тонированными стёклами, словно облитые нефтью, офисы нефтяных и газовых компаний. Напуганный расстрелом Белого дома новый парламент, заполненный, в значительной мере, депутатами от “денежных мешков”, с готовностью служил своим явным и тайным хозяевам, принимая нужные только им законы. В результате большинство финансовых потоков пошли через Москву, сильно обогащая немногих, но одновременно давая заработать и тем, кто этих немногих обслуживал. Молодые мужчины из провинции шли в охранники, в сторожа, в палаточные торговцы, в бандиты. Молодые украинки, молдаванки, русские, впитывая телевизионную пропаганду о том, как можно легко заработать на жизнь телом, становились проститутками. А третьим людским массивом, хлынувшим в Москву, стала армия “челноков”. Цеха оборонных заводов превратились в склады турецкого и китайского ширпотреба. На стадионах не бегали, а торговали. Подземные переходы заполнили прилепившиеся к стенам лавчонки. Повседневная жизнь оказалась похожа на боевик с

постоянными убийствами, похищениями людей, взрывами домов, разгулом террора. Приметами времени стали обтягивающая голову шапочка-“террористка” и безразмерный баул “челнока”.

Но люди волей-неволей привыкали к этой противоестественной жизни, полагая, что если всё время ждать только беду, она обязательно придёт. Поэтому с оглядкой ездили в метро, шли на работу, у кого она была, ходили в гости и даже в рестораны.

Волков вёл своих товарищей в ресторан, чтобы отметить традиционную дату. Иногда они собирались у него дома, и тогда Савельев с нежностью целовал Наталью в щёку, не позволяя, однако, себе ничего большего даже в желаниях. Но чаще — шли в ресторан, зная, что Владимир подберёт что-нибудь приличное. На сегодня он, оказывается, опять открыл что-то новое.

Мужчины шли некоторое время молча, потому как в кишасем людьми переходе идти всем троим рядом, да ещё разговаривать, было трудно. Вдруг Нестеренко и Волков услышали где-то впереди звуки скрипки. Они на ходу переглянулись. Встретить бедных музыкантов в подземных переходах теперь можно было нередко. Играли, прося деньги для пропитания, на чём угодно: на аккордеонах, баянах, саксофонах, губных гармошках, валторнах, кларнетах. Иногда слышались и скрипки. Поэтому не звуки инструмента привлекали внимание товарищей, а музыка. Кто-то проникновенно выводил давно не слышанную ими мелодию из американского фильма “Серенада Солнечной долины”.

— Как Слепцов когда-то, — с грустью сказал Волков. — Где он теперь?

— Продал, наверно, военные секреты и живёт где-нибудь в Америке, — мрачно бросил Нестеренко. — Вместе с Карабасом... Художник, эти его мать... рисовал всем красивое будущее.

Музыка слышалась всё ближе, но самого скрипача было не видно — он стоял за поворотом. Мужчины прошли ещё немного, повернули за угол и тут, почти перед собой, увидели скрипача. Это был Павел Слепцов. Он сильно изменился: ещё больше похудел, по впалым щекам прошли глубокие, как борозды от плуга жизни, морщины, обнажённая голова почти облысела, оставшиеся волосы заметно поседели. Шапку Павел положил на газету. В шапке блестела мелочь, топорщились бумажные деньги. Но он не смотрел на них. Слепцов играл, закрыв глаза и покачиваясь в такт музыке, словно видел себя где-то далеко от этого промозглого, грязного перехода, на другой земле, залитой солнцем и теплом.

— Паша, — потрясённо окликнул его Волков. Музыкант открыл глаза, и в глубине провалов замечались меняющие друг друга чувства. Сначала было удивление — кто мог позвать его из этой грязной людской толчеи, часами безразлично протекающей мимо. Потом вспыхнула радость — Павел узнал Владимира Волкова. И тут же глаза влагой подёрнул стыд за себя — перед Слепцовым стояли хорошие одежды, всем видом своим демонстрирующие благополучие мужчины. Павел растерянно опустил руки — в правой смычок, в левой — скрипка.

— Паша... дорогой...

Волков с чувством обнял Слепцова. Тот его тоже обхватил — неуверенно, не выпуская из рук инструмента.

— Как же так, Паша? Почему ты здесь?

— Я же говорил, што скрипка будет его кормить, — сухо сказал Нестеренко. — Советская власть бесплатно дала ещё одну специальность.

— Перестань, Андрей. Паша, што случилось? И давно ты здесь?

— Нет, — тихо проговорил Слепцов. — Это место было занято. Умер человек... Играл на кларнете...

— Чёрт возьми, да я не это место имею в виду. Не это конкретное...

Волков всмотрелся в худое лицо скрипача.

— Как ты живёшь, Паша? Да што я здесь расспрашиваю? Бросай свою серенаду... Мы идём в ресторан...

— Ты и его хочешь взять? — недружелюбно спросил Нестеренко. — Мне кажется, он из другой компании. Да, Вить? — повернулся Андрей к Савельеву. Тот пожал плечами: мол, мне всё равно.

— Он сейчас из той компании, где страдают, — заявил Волков. — А ты сам за таких, Вольг. Оставим прошлое. И вообще, Андриуха, будь добрее. Хотя бы иногда.

Волков замолчал, но, увидев сдвинутые в неудовольствии бровищи Нестеренко, улыбнулся товарищу.

— В конце концов, сегодня мой день. Кого хочу, того и приглашу. Хотя вон ты рыжую, — кивнул Владимир в сторону проходящей дородной женщины. — Такие ведь в твоём вкусе, Вольг? Или время изменило твои пристрастия?

— Ладно, согласен. Твой день и ты хозяин.

В ресторане гардеробщик — средних лет мужик — угодливо принял одежду троих, а волковское пальто даже обмахнул щёткой, однако, когда ему протянул свою истёртую куртку Слепцов, опустил руки.

— В чём дело? — строго спросил Волков. — Это с нами товарищ.

Гардеробщик настороженно посмотрел на резко отличающуюся от только что принятой одежду, потянул носом — видимо, от куртки пахло сырым подземельем, и неохотно взял её. Ещё брезгливее поставил в угол чехол со скрипкой.

Встречающему при входе в зал парню Владимир назвал свою фамилию и, когда тот провёл всех к заказанному столу, попросил добавить четвёртое место.

Отношение гардеробщика царпануло всех, а Савельева к тому же рассердило.

— Быстро сформировалось лакейское поведение, — буркнул он, ставя возле стула портфель. — Хотя... может в некоторых оно просто дремало.

— Скажи ещё, што это характерно для русского народа, — съязвил Нестеренко.

— Такого не скажу, но задуматься есть над чем. Обрати внимание: ни в одной социалогерной стране — Польшу возьми, Венгрию, Чехословакию — нигде тамошние народы не позволили бандам разрушителей так разгуляться, как у нас. Я был в Польше — это ещё при Советском Союзе, когда там начинали готовиться к разгосударствлению экономики. К приватизации, проще говоря. Копал скрупулёзно. Говорил с экономистами, политиками, рабочими. Так вот, прежде чем выставлять предприятие на торги, его оценивали несколько разных комиссий. Иностранные специалисты... польские. Просчитывали, какую продукцию завод будет выпускать — сегодняшнюю или другую. Во што обойдётся перепрофилирование, будет ли новая продукция востребована на рынке, какие затраты нужны на техническое перевооружение, сколько сократится рабочих и куда их устраивать. Когда я приехал на один завод под Варшавой, подготовка к его разгосударствлению шла уже два года. И поляки не торопились. Не обращали внимания на предложения явно заинтересованной агентуры ускорить процесс. Сравнивали выводы четырёх комиссий: двух иностранных и двух своих. А што натворили наши сволочи? “Уралмашзавод” отдали по цене хоккейной клюшки. Чево смотришь? Хоккеисту за год больше платят, чем оценили “Уралмаш” — этот “завод заводов”. Так же и остальное раздали своим... И народ не восстал против такого грабежа...

— Мы дрались. Ты знаешь. Не лакейничали. И сейчас не гнёмся.

— Это мы. А другие-то?

— В тех странах не расстреливали парламент, Витя. Согнулся народ от крови. Я говорил: Ельцина надо было уничтожить ещё в 91-м году, и по-другому пошла бы жизнь.

— Хватит вам, — одёрнул друзей Волков. — Хороший день омрачаете. Не уничтожать надо, а нормальными средствами не допускать до власти.

Он посмотрел на Слепцова, и жалость снова тронула взгляд. Павел положил было руки на стол, но, увидев подходящий официанта, поспешно убрал их. Видимо, застеснялся обтрёпанных рукавов пиджака. “А какой фронт был, — вспомнил Волков. — На охоту с завода приезжал в костюме и галстук. Переодевался — всё чистое, отглаженное. Аккуратист...”

— Што с заводом, Паша?

— Нет завода, Володя. Цеха стоят, но в них работает ветер. Стёкла выбиты. Станки выдирали на металлолом, они в ворота не проходили — проламывали стены. Нас полностью перестали финансировать уже с конца 91-го года. В девяносто втором — совсем ни рубля...

— Давайте закажем, ребята, а то парень ждёт, — напомнил Нестеренко. Когда официант ушёл, Слепцов, не сдерживаясь, взял кусок хлеба, намазал горчицей и жадно откусил. Опять смутился и, дожёбывая, пробормотал:

— Люблю вот так... по-простому.

— Картина была у всех примерно одинаковая, — сказал Нестеренко. — Нас тоже кинули. А ты чево ожидал? Простые люди могли не понимать. Но ты-то экономист!

— Гайдаровцы обещали, што цены вырастут в два-три раза и останутся. А они, даже по их официальным сведениям, за несколько месяцев поднялись в 30 раз. Независимые эксперты, в том числе иностранные, называли другие цифры: только за 92-й цены увеличились до 150 раз. К концу следующего года всё подорожало в 600 раз. Да вы сами всё это знаете.

— Знаем, — нахмурился Волков. — Прошли. И гиперинфляцию прошли, и прошлогодний дефолт. Чем же ты занимался до этой музыки?

Владимир кивнул в сторону гардероба, где осталась скрипка.

— Чем придётся. Торговал металлом — знакомый пригласил в свою фирму. Когда нас захватили... бандиты захватили, полгода жили на зарплату Анны. Потом и её уволили. Ты не представляешь, Володя, как сердце начинает колоть, когда приходится ребятам еду делить по граммам. Большим уже подросткам — кусочек хлеба и стакан чаю. Когда женщина на тебя смотрит... ничево не говорит, а ты себя последней собакой чувствуешь...

— О-о, какой ты стал разговорчивый, — усмехнулся Нестеренко. Павел загнанно поглядел на него, в глазах что-то сверкнуло, но он снова повернулся к Волкову.

— Года два работал сторожем. На даче... у нового богача. После надолго зацепился в курьерах. Бензин мне оплачивали, а ремонт — нет. Угробил “волгу”. Дефолт разорил нашу компанию. Генеральный застрелился. Оказался в больших долгах...

— Ладно. Хватит о грустном, — остановил его Нестеренко и поднял налитую рюмку. — У Володи сегодня день рождения. Давайте выпьем за нашего предводителя! Не за вице-президента Волкова, а за нашего друга Франка!

“Вице-президент? — удивился Слепцов, стараясь как можно больше проглотить закуски. — Всё ёрничает Вольт. Какой из учителя вице-президент?”

Но Нестеренко не выдумывал. Владимир Волков действительно был вице-президентом.

Глава вторая

С первых месяцев гайдаровских реформ зарплату в школе стали задерживать на четыре-пять недель. Люди добирали стремительно тающие от бешеной инфляции накопления и с ужасом глядели в завтрашний день. А вскоре полученных денег перестало хватать даже на питание. Ельцинисты сначала определили прожиточный минимум из трёхсот продуктов, товаров и услуг. Но увидев, что при текущих ценах 90 процентов населения не способно всё это оплатить и таким образом оказывается за порогом бедности, минимальный набор сократили до 19 продуктов. Благодаря такой манипуляции число “официальных” бедных вроде бы сократилось. Вместо 128 миллионов стало 50. Однако в действительности ничего не изменилось. 70 процентов денег уходило на еду, остальное — на оплату коммунальных услуг. Многим не хватало даже на лекарства. Народ стал вымирать, а жизнь миллионов людей, остающихся в живых, превратилась в кошмар.

Поняв, что их грубо обманули, граждане начали протестовать против “шоковых” реформ. Первыми в бюджетной сфере забастовали учителя. Каждая школа сама решала, какой путь протеста выбрать: стачку, пикет, го-

лодовку. Учителя волковской школы решили объявлять забастовку. Но Овцова, как директор, пригрозила, что протестующих уволит.

— Дайте нам деньги, Нина Захаровна, и мы пойдём на уроки, — потребовала давний оппонент Овцовой — учительница географии.

— У меня их нет, — бросила Овцова.

— Опять съедает советский военно-промышленный комплекс? — с издёвкой спросила нестигаемая противница. Её муж работал на оборонном заводе, но денег уже давно не приносил.

— Мы расхлёбываем наследие коммунистов. Демократическое правительство делает всё, чтобы поднять страну из пропасти.

— Её не надо было туда сталкивать — вашему демократическому правительству, — заявил Волков, твёрдо решивший участвовать в забастовке. Он стал политически активным, поддерживал все протесты и даже начал ходить с Нестеренко на демонстрации.

Уволить Овцовой никого не удалось. Но и забастовка ничего не дала. Зарплату, ставшую при таком росте цен ничтожной, по-прежнему не повышали. Да и ту задерживали ещё дольше. А вскоре Нина Захаровна ушла из школы. Сменившая её одна из молодых фурий — Надежда Аркадьевна, с нескрываемой завистью сказала, что Овцова нашла “просто шоколадное место”. Кто-то из знакомых пригласил Нину Захаровну, как химика, на частную кондитерскую фабрику.

Спустя некоторое время ушли ещё двое: новый преподаватель физики Никитин и физкультурник Мамедов.

Волкову уходить было некуда. Семью спасал заработок Натальи. Но и он быстро отставал от инфляции: в 92-м году её темпы составили 2600 процентов. Владимир мучительно думал, где найти хоть небольшую прибавку к семейному бюджету. Попробовал устроиться переводчиком — нигде не брали: французский был не востребован. Крутом слышался английский: от примитивного до сносного. Владимир не раз вспоминал Карабанова: “Мы все скоро будем говорить по-английски”. Однажды, расстроенный бесполезными поисками, он побрёл через стихийный рынок, который начинался от памятника Юрию Долгорукому на бывшей улице Горького и уходил куда-то вниз до Охотного ряда. Уже привыкший к толкучкам в своём “оборонном” городе, к торговому хаосу на московском Арбате, Волков безразлично смотрел на невероятное разнообразие всего, что когда-то было в квартирах людей, окружало их, радовало глаз и память. Всех возрастов женщины и мужчины продавали семейную посуду: от сервизов до отдельных чашек, летние платья и зимние шапки, неношеную обувь и статуэтки, отглаженные пиджаки и старинные гравюры. Тут же на газетах лежали мясорубки, электрокипяильники, пачки сигарет, стамески, молотки.

Волков решил вынести на продажу книги. Не говоря ничего Наталье, с душевной ломотой долго пересматривал свою охотничью библиотеку. Подарок Савельева сразу решил не трогать. Отобрал несколько редких, интересных изданий. Но, простояв целый день на московской толкучке, он с книгами вернулся домой. Вмиг обнищавшему народу было не до элитного чтения.

В один из тусклых, по настроению, вечеров ему домой позвонил какой-то молодой человек. Назвался: Дмитрий Егоров. Волков помнил многих своих учеников, а Егорова — тем более. Это был очень способный паренёк. После школы поступил на филологический факультет, на отделение французского языка и литературы. На последнем курсе уехал по студенческому обмену во Францию. Там остался, и как рассказывали Волкову, сначала занимался лингвистикой, а потом перешёл в бизнес. Учитель пригласил бывшего ученика домой, но тот сказал, что сейчас он с коллегами в московской гостинице “Россия”, а вот завтра хотел бы увидеть его на выставке французской парфюмерии, куда приехал в качестве представителя крупной фирмы.

Уроков на следующий день не было, и Волков поехал в Москву. На выставке сразу увидел Егорова. Хотя прошло несколько лет, Дмитрия совсем не тронуло время. Та же юношеская улыбка на добродушном лице. Тот же мягкий, бархатистый голос. Разве что глаза, тогда голубые, как осколки майского неба, теперь подсинивала озабоченность.

Дмитрий обрадовался учителю. Он его любил, как старшего, умного товарища, и перед поездкой в Россию переговорил о нём с президентом компании. Теперь решил выяснить у самого Волкова, как он воспримет необычное предложение. Но сначала повёл учителя по выставке.

— Вы как относитесь к духам, Владимир Николаич?

— Ну, как к ним можно относиться, Дима? Хорошо отношусь. Даже иногда нежно. Моя жена любит духи “Диориссимо” — у них запах весны... Сирени и ландыша.

— Да. Ландыш — талисман Кристиана Диора. Но до 1956 года эссенцию из ландыша никто получить не мог. Просто не было такой технологии. Это удалось знаменитому французскому парфюмеру Эдмонду Рудницки. Он и стал автором этих духов. За свою долгую жизнь — ему уже почти девяносто — Рудницки создал, как говорят парфюмеры, шестнадцать ароматов. Часть из них и сегодня являются эталоном, хотя сейчас новые ароматы, вы только представьте, Владимир Николаич, появляются каждую неделю. И все производители хотят, чтобы покупали их продукцию. Поэтому конкуренция в ароматном мире пахнет не так нежно, как духи!

Дмитрий водил учителя по выставке, рассказывал занимательные истории о знаменитых парфюмерных домах, легенды о возникновении прославленных духов, о сегодняшних популярных марках. До прихода на выставку Волков думал, что пусть немного, но всё-таки кое-что знает об этой душистой отрасли. Из французской литературы, из появившихся ещё в советское время в продаже газет и журналов, из разговоров с приехавшими из Франции людьми. Наконец, коллеги и приятельницы Натали то и дело обсуждали парфюмерные темы. Оказалось, он не знал почти ничего и теперь с интересом слушал своего ученика.

— Классическая основа духов — эфирные масла, — говорил Дмитрий. — Но получить их — большой труд. Для одного килограмма такого масла из жасмина нужно 750 килограммов цветков. Жасмин во Франции цветёт с августа по октябрь. Собирают его вручную, в течение всего нескольких часов, пока раскрыт бутон. С розами также непросто. Бледно-розовые цветки сирийской розы — её когда-то привезли из крестовых походов — самое лучшее, што природа создала для производства духов. Лепестки собирают тоже вручную и только на рассвете. Для выхода одного килограмма экстракта — он называется розовый абсолют, нужно собрать лепестки трёхсот с лишним тысяч роз. В мае, когда роза цветёт, жители города Грасса, который считается Меккой французской парфюмерии, чуть ли не поголовно выходят на плантации. Неудивительно, што там около сорока парфюмерных фабрик. В том числе наша.

Дима Егоров остановился возле одного стенда и сказал:

— Вот наша продукция, Владимир Николаич. Мы делаем духи, туалетную воду. Но сейчас разворачиваем новое направление — выпуск так называемой отдушки. Мы не одни во Франции. Тем более, в мире. Спрос на отдушку растёт. Каждый человек обязательно соприкасается с нею. Отдушку используют в бытовой химии — в стиральных порошках, в моющих и чистящих средствах, в различных освежителях воздуха. Её применяют в парфюмерии — в лосьонах, духах, одеколоне... Получить натуральный экстракт розового абсолюта, как видите, сложно и дорого. Когда в прошлом веке началась эра синтетических ароматов, появилась возможность поставить производство запахов на поток. Синтетический аналог абсолюта в десять раз дешевле натурального. Не сравнить и объёмы. Отдушка нужна в производстве мыла, гелей для душа, различных кремов. Без неё не обходится декоративная косметика: помада, тушь для ресниц, пудра, румяна. Короче, куда ни глянь, нигде без неё не обойтись. Поэтому мы тоже открыли производство и начали поставки в Россию. В прошлом году создали здесь представительство...

Егоров замолчал, испытующе глянул на учителя.

— Но президент хочет сделать совместное предприятие. Он полагает, што в России будет большой спрос. Директором представительства работает француз Фернан Дюбо. Хороший профессионал. В парфюмерном бизнесе,

как рыба в воде. Одна беда — почти не говорит по-русски. А его подчинённые не понимают французского. И такая ситуация перед началом большого проекта! Поэтому я уполномочен сделать вам предложение, — с некоторой торжественностью сказал Егоров. — Стать заместителем директора представительства. С возможностью в ближайшее время занять пост директора.

Волков с изумлением уставился на своего бывшего ученика.

— Ты што, Дима? Во-первых, я ничего не смыслю в парфюмерии...

— Это преодолимо. Мы все — ваши ученики, считали вас одарённым человеком...

— А, во-вторых, получается, што я буду подсигивать хорошего специалиста Дюбо.

— Нет. Вы будете его спасителем, Владимир Николаич. Дюбо рвётся домой, во Францию. Он боится России. Говорит: не понимаю, как тут можно жить? Поэтому соглашайтесь на доброе дело.

Волков решил не сразу. Переговорил с Натальей, с позвонившим как раз в этот вечер Андреем Нестеренко. Тот поддержал:

— Иди. Парфюмерия — красивый бизнес. Не получится — всегда можно бросить.

Учитель освоился быстро — сам не ожидал этого. Через несколько месяцев Фернан Дюбо уехал во Францию. Когда создали совместное предприятие, Владимир стал вице-президентом. Материальная жизнь семьи круто изменилась. Волковы купили хорошую квартиру в Москве, в доме “сталинской” постройки. Сменили машину Наталье — советские “жигули” на новый французский “рено”. Появилась возможность помогать одним и другим родителям, поскольку заводы в Воронеже и Волгограде, не имея заказов, сократили тысячи рабочих.

Но растущий личный достаток не давал Владимиру забыть, что так же, как недавно бедствовал он, сегодня продолжают нищенствовать миллионы в стране. Разворованная общегосударственная собственность, принадлежащие народу недра фантастически обогащали непонятно откуда появившихся проходимцев, ещё вчера неизвестных даже соседям по дому, а сегодня считающих себя властью России. Андрей Нестеренко был убеждён, что такую власть можно снести только вооружённым способом. Волков не соглашался с ним и верил в перемены политическим путём. Поэтому поддерживал финансами различные оппозиционные партии и организации, аккуратно передавая им деньги из своих значительных доходов. А когда ходил пешком по людным улицам и подземным переходам, оказавшись по какой-то причине без машины с личным водителем, редко пропускал кого-либо из просящих милостыню. “Может, это такой же учитель, как я, — думал он. — Или выгнанный мастер, как мой отец”.

Сейчас, глядя на Слепцова, Владимир удивлялся, почему он его никогда не встретил, хотя этот разветвлённый переход под Тверской улицей пересекал не раз.

— Ты ешь, Паша, ешь... Если хочешь, закажем ещё што угодно.

— Наш Франк теперь богатый, — благодушно заметил Нестеренко. — Вице-президент — не хухры-мухры.

— Он, как всегда, “прикалывается”? — спросил Слепцов Волкова, показывая на Андрея.

— Нет. Я действительно вице-президент... В одной французской парфюмерной компании. Да это не имеет значения. Вольт тоже не бедный человек.

— А про какой день рождения он говорит? У тебя ж, я помню, где-то в конце июля. Ты ведь Лев по гороскопу... (Павел загнулся) как мой отец... был.

— Это у него второй день рождения, — отчуждённо сказал Нестеренко. — Ты забыл январь 91-го? Кабана забыл? Когда вы с Карабасом приговорили Володо...

Слепцов опустил голову, начал сосредоточенно сдвигать в кучу порезанные свежие помидоры на тарелке.

— Я не знаю, што со мной тогда произошло, — еле слышно выговорил Павел. — Прости, Володя...

В тот раз он и сам себе не мог объяснить своего предательского поступка. Лишь позднее понял, что это была короткая вспышка мести. Не лично Волкову — его надёжному товарищу по охоте, уважаемому им человеку, а мстью за свою неудачную жизнь, мстью чужой, злой женщине, ставшей его женой и отобравшей у него сына.

— Не будем об этом, — вздохнул Волков. — Што было, то прошло.

— Нет, будем, Володя! Такие предают сначала друга, а потом страну.

— Ну, што ты, действительно, Андрей, не можешь остановиться! — повысил голос молчавший до того Савельев. — Видишь, он уже получил сполна.

— А што у тебя с отцом? — спросил Волков. — Мы его с Андреем видели... Познакомились на Первомайской демонстрации в 93-м. Можно сказать, в боевой обстановке. Помнишь, Андрей?

— Я-то не забыл, — сказал Нестеренко, недовольный мягкостью Волкова. Тронул бровь. — Вот она первая метка. От Пашкиной власти...

Тут только Слепцов заметил, что левая бровь Андрея рассечена, и даже густые чёрные волосы плохо закрывают бело-фиолетовую складку кожи. Он поморщился от слов Нестеренко:

— Отец мне рассказал про вас. Он ведь пошёл не воевать. На мирную демонстрацию собрался...

В то утро, 1 мая 1993 года, Павел позвонил отцу. Он знал: Василию Павловичу ляжет на душу поздравление с праздником. После разгрома КГБ и расчленения страны генерала отправили в отставку. Казавшаяся поначалу приличной пенсия сжималась с каждой неделей. Но не только это тяготило немолодого аналитика. Ему всё время казалось, что он что-то не сделал такого, что могло предотвратить всеохватную беду. Может, надо было, думал он, нам с товарищами прийти к Крючкову и под пистолетом заставить его отдать приказ об аресте Ельцина вместе с близким окружением. В часы путча на Лубянке сразу стала проявляться группа руководителей, выступавших за решительные действия. Уничтожили бы десяток негодяев, но это спасло миллионы людей от убийства ельцинизмом. Василий Павлович часами сидел в своём кабинете, пересматривал различные документы, искал это что-то упущенное, не находил его и от того страдал, порой до боли в сердце.

Переживаний добавляло глубокое разочарование в сыне. Павел ещё ходил на завод, но там уже оставались только те, кто поддерживал угасающую жизнь предприятия: операторы котельной, электрики, охрана. Денег никому не платили. Генерал и жалел сына, и сердился на него. Раздражало ещё то, что сам он всё решительней втягивался в протестную борьбу, а Павел сторонился этого, замыкался в себе. Ошеломлённый тем, как сломали жизнь люди, поддержанные им, Павел был растерян, беспомощен и обижен на всех.

Позвонив утром отцу, младший Слепцов пошёл с Анной и ребятами в городской парк. Анна приберегла немного денег, чтобы кушать сыновьям мороженого, а мужу пива. Когда возвращались домой, ещё за закрытой дверью квартиры услышали требовательный телефонный звонок.

— Паша! — взволнованно закричала мать. — Папу привезли... Избили его.

Слепцов помчался на “волге” к родителям. Отец лежал в зале на большом кожаном диване — Павел с детства любил засыпать на нём под разговоры гостей. Разбитое лицо генерала опухло, на голове, среди редких волос, запеклась кровь, которую мать пыталась осторожно стереть влажным бинтом.

— Я вызвала “скорую”. Долго едут...

— Давай я отвезу.

Отец зашевелился. Стараясь повернуться набок, чтобы разглядеть сына, застонал.

— Не надо. Приедут... куда денутся...

Тонкие губы Василия Павловича тронула улыбка.

— Зато познакомился с твоими друзьями. Спасибо им... Ельцинские мордороты совсем озверели...

В последние несколько месяцев генерал ходил на все протестные митинги и демонстрации. Акции становились всё многочисленнее и жёстче. Первомайский протест должен был собрать несколько десятков тысяч человек.

На бывшей Октябрьской площади, которую незадолго до того переименовали в Калужскую, собралось, по оценке Василия Павловича, тысяч пятнадцать москвичей. Кое-кто пришёл с детьми, многие — празднично одетые. Погода обещала тёплый день, и от этого у большинства было хорошее настроение. Над собирающейся массой колыхались где красные советские флаги, где трёхцветные имперские.

Демонстранты намеревались пройти от Калужской площади к центру Москвы. Но мэрия запретила. Вместо этого была предложена небольшая территория, где тысячи собравшихся не смогли бы уместиться. После короткого митинга на Калужской демонстранты двинулись по Ленинскому проспекту к площади Гагарина. То есть в противоположную от центра сторону. Замысел организаторов сводился к тому, чтобы колонну могли догнать опоздавшие, а митинг провести на Воробьёвых горах — на просторной площадке возле Московского университета.

Никакой агрессии демонстранты не проявляли. Молодые мужчины и женщины несли плакаты, осуждающие развал страны, шоковые реформы, политику Ельцина—Гайдара. Впереди шла большая группа смеющейся молодёжи с транспарантом: “Капитализм — дерьмо!” Через весь Ленинский проспект красовалась перетяжка “С праздником, дорогие россияне!” И как раз под этим поздравительным лозунгом демонстранты увидели перегородившие проспект тяжёлые грузовики. Впереди них стояла цепь милиционеров без всяких спецсредств. За ней — цепь омоновцев с прозрачными щитами и в шлемах, похожих на космонавтские. Дальше — ещё одна цепь хорошо экипированных бойцов, но почему-то в разноцветных шлемах.

Увидев впереди милицию и заграждения, широкая, во весь проспект, колонна остановилась. Организаторы предложили выдвинуться вперёд крепким мужчинам. Образовался авангард человек из пятисот. Над ним поднялся транспарант: “Фронт национального спасения”.

Василий Павлович считал себя ещё крепким мужчиной. Вместе с двумя своими бывшими коллегами, с которыми всегда ходил на протестные акции, и новыми знакомыми, один из которых был конструктором из какого-то авиационного КБ, генерал оказался в головной части колонны. Через несколько минут авангард подошёл к первой цепи, смял её, прорвал цепь омоновцев-”космонавтов”, попутно отняв у некоторых дубинки, щиты и шлемы. Двигающийся рядом с генералом конструктор, в руках у которого оказался шлем, надел его на себя, постучал кулаком по пластмассовой поверхности и со смехом отдал молодому мужчине.

— Бери, сынок! Меня должны знать в лицо. Прятать его не надо.

Мужчина глянул на конструктора, потом на Василия Павловича, с трудом натянул шлем на свою большую голову. Что-то знакомое показалось в нём Слепцову. Крупные губы, широкие чёрные брови... Брови... брови... Василий Павлович вспомнил. Это был Андрей Нестеренко, которого он один раз видел и который нередко упоминался в их спорах с сыном. Рядом с ним стоял высокий, примерно таких же лет, мужчина с пышными, словно сталинскими усами.

— Ну, што, батя, прорвёмся через ельциноидов? — сказал чернобровый, почему-то внимательно вглядываясь в лицо Василия Павловича. — Среди нас такой таран, — показал он на усатого. Тот усмехнулся и тоже задержал взгляд на лице генерала.

В это время опомнившаяся милиция пошла в контратаку. Началась ожесточённая драка. В омоновцев полетели камни, куски кирпичей, которые подавали выстроившиеся в цепочку женщины. “Космонавты” и “разноцветные шлемы”, прикрываясь щитами, подбирали кирпичи и бросали их в незащищённую толпу. К раненным дубинками, щитами стали добавляться раненные камнями.

Получив команду действовать суровой, усмирители включили водомёты и направили сбивающие с ног струи на демонстрантов. К дрогнувшим омоновцам подошла конная милиция. Одновременно в тыл авангардной части

манifestантов ворвались несколько сотен бойцов дивизии особого назначения имени Дзержинского. Специально тренированные для борьбы с вооружёнными боевиками, они начали громить безоружных людей. Те отбивались дубками знамён, немногими отнятыми дубинками, кулаками.

Однако основная масса демонстрантов, насчитывающая несколько тысяч человек, растянулась по проспекту, не участвуя в прорыве. Люди митинговали, выкрикивали лозунги, вглядывались в то, что происходило впереди. И тут сзади к многотысячной толпе подошли две роты милиции. Началось избивание.

Теперь уже трудно было понять, где бывший авангард, а где не имеющие к нему отношения манифестанты. Били всех подряд. Люди падали, пытались уползти в сторону. Их пинали ногами, норовя попасть в лицо или под дых. Убегающих во дворы, в Нескучный сад догоняли. Истерично визжали женщины. Ревели и рычали избиваемые мужики.

Андрей Нестеренко, чтобы не выделяться в шлеме, бросил его в нападающих омонцев. Рядом отбивался Волков. Вдруг он увидел, как того пожилого мужчину, с которым заговорил Андрей и чьё лицо показалось обим отдалённо знакомым, схватил за пиджак небольшого роста омонцев и притянул к себе. Владимир сделал только шаг, как рядом с пожилым оказался Нестеренко. Он хотел оторвать руку “космонавта”, но тот ударил резиновой дубинкой сначала по руке Андрея, а потом по его лицу. Нестеренко прижал неударенную ладонь к лицу, и Волков увидел, как из-под неё потекла кровь. В то же мгновение омонцев боднул головой в шлеме лицо пожилого. Мужчина стал оседать. Милиционер, не давая ему упасть, два раза изо всей силы, с оттяжкой, приложился к голове манифестанта и уже в момент падения ветерана ударил того тяжёлым ботинком в грудь.

Волков одним прыжком оказался рядом с омонцем. Тот успел только поднять глаза на высокого усатого мужика, как вдруг почувствовал, что его отрывают от асфальта. Ещё мгновение — поднят прозрачный щиток на шлеме. Следом как железными клещами схвачено горло.

— Ты што ж, сука, делаешь? — заорал Владимир. — Ты кого, тварь, убиваешь? Отца своего! Старика беззащитного!

— Я не убивал его, дяденька! — задышавшись, прохрипел омонцев. — Нам командир сказал: зажрались москвичи... Надо им дать по мозгам.

Волков схватил за край щита и так его рванул, что рука омонца повисла, словно перебитая. Тут же ударил рантом ботинка по кости ноги и, когда милиционер согнулся от дикой боли, дёрнул за голову вверх. Оттолкнув обмягшее тело, увидел Нестеренко.

— Ты его не убил? — обеспокоенно спросил Андрей, держа на брови промокший от крови носовой платок.

— Очухается, сволота. Надо вот этого старичка спасать.

— Батя, ты как? — наклонился Нестеренко к пытающемуся подняться Слепцову.

— Кажется, живой, — хрипло выговорил тот. — Живой вроде, Андрюша. Вы ведь Андрей? Нестеренко?

Удивлённый Нестеренко молча покивал.

— А это, я думаю, Волков... Володя. Паша мне про вас много говорил.

Тут только оба товарища поняли, почему его лицо показалось им таким знакомым: оказывается, отец и сын Слепцовы были очень похожи. Пока они поднимали Василия Павловича, из дерущейся толчей вырвались коллеги генерала. Увидели его окровавленного и стали быстро выводить из побоища. Волков и Нестеренко прикрывали группу, опасаясь не только озверевшей милиции, но и теряющей разум толпы. В таком аду могли затоптать едва передвигающегося человека. Когда группе удалось вырваться в один из дворов, Волков предложил сопровождать Василия Павловича до дома. Но бывшие коллеги генерала сказали, что с этим они справятся сами. Прощаясь, Слепцов слабо пожал руки товарищам сына. “Спасибо, што вы есть, ребята. Может, ещё не пропадёт страна”.

— Ты сказал про отца “был”, — вспомнил Волков. — Это как понимать? Рассорились што ль окончательно?

— Он умер, Володя. Через восемь месяцев после той демонстрации. Часто говорил о вас. Благодарил... Я хотел позвонить, но... На поминки тоже собирался позвать... Но не мог... Ты так последний раз говорил... Грубо... На себя непохоже. Ты со мной никогда так не разговаривал.

— А как я должен был с тобой говорить? — посуровел Волков. — Мне до этого тоже никогда не сообщали... не задыхались от радости: советской власти конец! Сова кричала! Теперь вон погляди за окно, што из всего этого вышло. Виктор правильно вам с Карабасом сказал: всё от людей зависит, от их ума и прозорливости.

— Не надо о нём. Я бы сейчас Карабасу задал несколько вопросов.

— Раньше надо было, — усмехнулся Нестеренко. — Достанешь ты его теперь. Карабас давно где-нибудь в Америке. И Марк ему машину заправляет.

— По-моему, он нам говорил: Марку надо переезжать сюда, — сказал Волков. — В здешней мутной воде ловить рыбу. Такой мутной, как у нас сегодня, нигде и никогда не было. Это доктор угадал.

— А где он, в самом деле, сейчас? — с мрачноватым интересом спросил Савельев Павла. — Не помогает вам? Всё-таки вы с ним были одних взглядов. Идеиные, так сказать, соратники.

— Ему самому бы кто помог, — насупившись, сказал Слепцов. И, увидев удивление на лицах, хмуро проговорил:

— В мутной воде оказалось много ям...

Глава третья

После крушения Союза Павел увиделся с доктором только поздней осенью 93-го года. До этого под разными предлогами от встреч отказывался. Карабанов звонил сперва часто, потом — реже, а затем — перестал совсем. Однако в тот раз Павел сам поехал к доктору без звонка. Отцу, так и не оправившемуся после первомайского побоища, становилось всё хуже. Как объясняли врачи, удар в грудь омоновским ботинком вызвал нарушение деятельности костного мозга, находящегося в грудине. А поскольку он является важным элементом кроветворения, началась болезнь крови. Даже при развитой советской медицине не всегда можно было найти необходимые для лечения крови лекарства. А в разрушенном российском здравоохранении врачи только разводили руками. “Попробуйте поискать, — говорили Павлу. — Может, есть знакомые за границей...”

Слепцов приехал к Сергею в больницу. Пока поднимался на второй этаж в ординаторскую, с тоской смотрел по сторонам. Кровати стояли и на первом этаже у входа, и по всему коридору второго этажа. Неухоженные люди жались под лёгкими, изношенными одеялами — в больнице было не намного теплей, чем на улице.

Поздоровались оба сдержанно. Слепцов объяснил, зачем приехал.

— Ты бы позвонил, — нахмурился Карабанов. — Я б тебе сразу сказал... Нет у нас такого лекарства.

Он помолчал. Всё так же мрачно добавил:

— Ничего у нас нет вообще. Нет денег на бинты, на питание... Я не говорю про одежду. Лекарства больные должны приносить свои. Видишь, как живём? — обвёл рукой неопрятную комнату. — Зарплату не дают с августа. Сейчас разгромили Верховный Совет, может, начнут платить.

— Говорят, это лекарство можно найти за границей. Ты Марка не попросишь? Он там, в Штатах?

— Там.

Карабанов остановился, раздумывая: говорить или не стоит?

— Только в тюрьме Марк. Придумали эти сволочи-американцы... русскую мафию нашли. Налоги, говорят, не платили... Разбавляли бензин. Несколькое человек посадили. И Марка тоже. Напринимали законов. С ними бы надо, как с нашими законниками.

— Ты считаешь, Ельцин поступил по-человечески: расстрелял парламент, поубивал безвинных людей?

— Какие это люди, Паша!? Это коммуно-фашисты! Из-за них... из-за их законов мы не получаем зарплату. Теперь Ельцин наведёт порядок.

— Выходит, мой отец тоже коммуно-фашист? — наливаясь яростью, медленно спросил Слепцов. — Его изувечили ельцинские негодяи Первого мая. Если бы не лежачий, он пошёл и в октябрьские дни.

— Мой тоже готов воевать с Ельциным. Но они, Паша, вчерашние люди. Те, кто за будущее, пришли 3 октября к Моссовету... Гайдар позвал, и мы пришли защищать демократию...

Карабанов вспомнил ту холодную октябрьскую ночь. Он добрался до центра Москвы почти в двенадцать часов. Чтобы не замерзнуть — температура опустилась ниже нуля, надел охотничью куртку. Под ней, на ремне, охотничий нож, когда-то подаренный Андреем Нестеренко. Кого он им собирался резать, доктор не представлял. Драться с вооружёнными до зубов коммуно-фашистами, как круглые сутки телевидение и радио обзывали сторонников Верховного Совета России и противников Ельцина, надо было иными средствами. Поэтому нож взял на всякий случай. Возле здания Моссовета уже собралось немало народу. На улице ярко светили фонари, тут и там слышался смех, пьяные выкрики. С двух машин коммерсанты раздавали пиво в банках, бутылки водки и закуски. Подъехали несколько иномарок. Из них выбрались здоровенные мужики в дорогих костюмах и с оружием. Карабанов понял, что это охранники коммерческих структур. Подумал: “Ну, этим есть что защищать”. Поодаль горели костры, люди громоздили баррикады. Доктор стал протискиваться вглубь толпы — подсознание отмечало: здесь безопаснее, чем с краю. Попутно оглядывал собравшихся. Такая же, как в дни ГКЧП, разноликость. Встретилось несколько известных артистов и писателей. Тех, кто в августе 91-го отвергали диктатуру и хотели демократии. Теперь они были против самими же избранной демократии и требовали от Ельцина уничтожить её. Громко кричала средних лет дама в шубе и с собачкой на руках. Её поддерживали несколько пенсионеров с выпученными от голового напряжения глазами. Пройдя немного дальше, доктор остановился неподалёку от группы раскрасневшихся мужчин. Похоже, они “согревались” уже давно, и почти каждую фразу выступающей перед ними женщины встречали пьяным рёвом.

— Нас с вами ничему не научил августовский путч! — громко выкрикивала высокая, плоская, как доска, ораторша в очках. — Вместо того, чтобы уничтожить всех, хоть мало-мальски причастных к путчу, мы пожалели коллективную гадину! И вот результат! Фашисты взяли за оружие, намереваясь захватить власть. Смерть депутатам и их прихлебателям!

— Да-а! О-о! Правильно! — вразной взревели “разогретые” слушатели. Экстаз охватил и плоскогрудую комиссаршу. Карабанов увидел, как расширились за стёклами очков её тёмные глаза, а на щеках, на лбу и подбородке выступили красные пятна. Женщина подняла руки, зашевелила согнутыми пальцами, словно царапая кого-то.

— Красно-коричневые оборотни обнаглели от безнаказанности! Тупые негодяи понимают только кулак! Поддержим символ демократии — нашего президента Ельцина!

“Во даёт баба!” — с некоторой оторопью подумал Карабанов, в основном согласный с её призывами. Даже отойдя от ораторши на значительное расстояние, он всё ещё слышал этот пронзительный голос.

Но многие люди имели интеллигентный вид, и доктору было приятно, что таких, как он, противников парламентской болтливой демократии, собралось немало.

— Мы помогли, Павел, Ельцину удержать власть. Теперь он в долгу перед нами.

— Он вам отдаст долги, — усмехнулся Слепцов. — Один раз уже лёг на рельсы... Клянется: цены поднимутся в два-три раза. Не больше. Где эти рельсы, на которых Ельцин лежит?

— Ему мешали работать коммуно-фашисты. Я видел, как их выводили 4 октября из Белого дома. Был там... Не дали нам разорвать их. “Альфа” влезла...

— Ты бы и наших отцов разорвал? Миллионы таких, как они? Страшный ты, однако, Карабас.

Уходя из больницы, Слепцов думал, что с Карабановым они больше не встретятся. Их дороги разошлись совсем. Однако ещё одна встреча всё-таки состоялась. В прошлом, 98-м году, ранним апрельским вечером, закончив развозить по Москве конверты, Павел вышел из метро, чтобы подхватить машину частного. Он торопился к матери. После смерти отца она потеряла интерес к жизни. Заходила в кабинет мужа, садилась за его стол, подолгу смотрела на фотографию, где они были сняты вдвоём. Молодые, оба весёлые, нежно прижавшиеся друг к другу. Время от времени начинала разговаривать с фотографией. Потом как-то сразу обострились прежде терпимые болезни. Павел привозил дорогие, трудно доставаемые лекарства, однако матери не становилось лучше.

На этот раз ей стало плохо ещё днём, но Слепцов приехать не мог. Он должен был развезти конверты по всем адресам — недавно пожилого курьера уволили только за одно недоставленное письмо.

С “бомбилами” можно было сторговаться за небольшие деньги. Когда на ходу была “волга”, Слепцов сам выезжал вечерами подработать и знал цены. Павел встал на обочине, поднял руку. После трёх проехавших машин четвёртая затормозила.

— Куда, отец? — услышал он сквозь открытое окно хриплый, однако показавшийся ему знакомым голос. Слепцов нагнулся к окну и, не успев назвать адрес, воскликнул:

— Сергей!

За рулём был Карабанов. Тот тоже разглядел Слепцова.

— Паша! Эх ты! Вот где... ну, и встреча. Ты куда?

— К маме... Она болеет...

— Садись. Да не раздумывай! Много не возьму.

Они ехали некоторое время молча. Только искоса взглядывали друг на друга. Каждый думал о том, как изменился его давний товарищ. Карабанов обрюзг, верхние веки сильно нависли над глазами, с низа щёк бульдожьими складками свисала дряблая кожа. На большой голове блестяла просторная залысина. А Сергей, в свою очередь, невесело отмечал, как ещё больше исхудал Слепцов, морщины на впалых щеках делали лицо старше, нос заострился, а при взгляде на Павла сбоку доктор не всегда видел в провале его глаз.

— Где работаешь? — спросил, наконец, Карабанов.

— Курьером. А про долги тебе, вижу, Ельцин забыл?

— Плохо всё, Паша, плохо. Больница готова бастовать, но людей ведь не выбросишь на улицу. Мы сократили приём больных. Пациентов после некоторых операций держим вместо недели два-три дня. Выписываем: долечивайся дома. Ты у матери долго будешь?

— Нет.

— Ну, я тебя подожду? Не возражаешь?

Слепцов пожал плечами и пошёл к подъезду. С матерью, против ожидания, он пробыл больше часа. Выходя из дома, равнодушно подумал, что Карабанов наверняка не стал ждать. Но старый “жигулёнок” доктора стоял на том же месте.

— Извини, — бесцветно бросил Слепцов.

— Ничего, ничего, Паша. Мать есть мать. Я свою потерял. Не вписалась в новую жизнь. Отец, тот живёт не столько медициной, сколько борьбой. А мама не выдержала. Да и как вынести? Племянник в американской тюрьме. Сестра — тётя Рая наша — разорилась на адвокатах... Любимая внучка... ох, Паша, што нам Леночка преподнесла!..

Карабанов расстроено кхэкнул и даже, как показалось Слепцову, понизился за рулём. Все в охотничьей компании знали, что младшая дочь Сергея — самый дорогой для него человек. Он старшую не так любил, как Леночку, отца с матерью только уважал, жену выдерживал и не уходил лишь из-за младшей дочери. В ней он видел своё продолжение, но более одарённое и даже талантливое. Леночка училась по классу фортепиано в музыкаль-

ной школе, завораживающе пела, хорошо рисовала, и учителя порой растерянно говорили отцу, что сами не знают, по какой дороге идти его дочери: на каждой она могла стать знаменитостью.

— Чем же вас так расстроила Леночка? — с лёгким участием спросил Слепцов. Ему стало жаль в один миг изменившегося Сергея. — Родила што ль без мужа?

— Если бы, Паша! Она... В это трудно поверить... Я теперь не могу ездить по Ленинградке... Куда угодно пассажира беру, а на Ленинградское шоссе — лучше колёса проколоть...

Карабанов устался на дорогу и замолчал. Он не раз вспоминал тот поздний осенний вечер. Возвращаясь в Москву из аэропорта Шереметьево, куда за хорошие деньги отвёз опаздывающего пассажира, доктор увидел впереди стоящих вдоль шоссе женщин. Он знал по рассказам новых коллег — “бомбил”, что это за дамочки. Как их только ни называли: путаны, девицы лёгкого поведения, “ночные бабочки”. Однако суть была одна. Проститутки.

Сергей не считал себя ханжой. Кроме медсестры Нонны у него перебивало много женщин. Но каждая из них если не влюблялась, то, по крайней мере, была увлечена. Так же, как он сам. А тут женщины продавались за деньги.

В свете фар доктор увидел поднявшего руку мужчину. Остановился. К окну наклонилась немолодая, плохо выбритая физиономия. Пахло спиртным.

— Командир, к Трём вокзалам.

Карабанов задумался: надо было уже возвращаться домой, в свой город когда-то военно-космической ориентации.

— Заплачу. Прилично дам, — торопливо заговорил хмельной мужик. — Хорошую девочку снимаю. На всю ночь...

Доктор неохотно кивнул. Мужчина кому-то махнул рукой, и к машине заторопилась молодая девушка. Что-то показалось в её походке, фигуре Карабанову знакомым. Мужчина открыл дверцу, пропустил проститутку на заднее сиденье, и доктор в зеркале увидел дочь. У него споткнулось дыхание.

— Лена! Ты?! Как ты здесь?

Пассажирка слегка смутилась, но выходить не собиралась.

— Здравствуй, папа. Вот... работа такая...

— Какая работа?! — вскричал потрясённый Карабанов. Повернулся к садящемуся мужчине:

— А ну, вылазь отсюда, козёл!

— Полегше, водила! Вот как дам по рогам!

Доктор выхватил из-под сиденья монтировку, замахнулся на мужика. Тот выскочил из машины. Карабанов, не закрывая задней дверцы, сорвал “жигулёнка” с места. Опомился уже у поста ГАИ.

— Про Ленинградку, Паша, теперь не могу слышать. Сломалась жизнь моя... Мне когда-то отец говорил... Предупреждал... Не сова, Паша! Люди видели!

Тут только до Слепцова дошло, что имел в виду доктор. По телевизору не раз показывали стоящих зимой и летом вдоль Ленинградского шоссе проституток. Большинство были совсем молодыми. Корреспонденты не без интереса расспрашивали девиц об их прошлой жизни в разных городах страны, с удовольствием комментировали новое занятие, причём ни журналисты, ни сами путаны не находили ничего плохого в этой придорожной жизни.

— Я видел по телевизору, — пробормотал ошарашенный Слепцов. — Девушек показывали... Ты про них?

— Она мне сказала... Когда я спросил, как она пошла на это... Клиентов ждать... Лена заявила, што это я её толкнул. Паша! Да я из шкуры лез! Видишь: “бомбиллой” стал... у меня руки какие были! Добывал деньги, где мог... Взятки стал брать от больных... Всё для неё... На втором курсе университета сказала: не хочет ездить из Москвы. Как будто тысячи не ездит. Вроде бы нашла с подружками квартиру... Мы с Верой опять впряглись.

Одежду надо супер-пупер, обувь — от самых лучших... Говорит: не хочу быть хуже других...

— Конечно. Телевизор учит.

— Я бы этот телевизор взорвал! Там в героях одни бандиты и проститутки. Лена мне сказала, когда стал её стыдить... Ты сам, говорит, хотел другой жизни. Вот она пришла. Помог ей прийти... этой жизни.

— Телевизор сегодня не взорвёшь, Сергей. Хозяева самых порнографических каналов сидят в Госдуме. Не тех ты с Ельциным расстреливал.

Павел поглядел в окно: надо было выходить. Карабанов остановил машину на привокзальной площади. Здесь собирался взять новых пассажиров. Вышел со Слепцовым, чтобы купить сигарет: курить он так и не бросил. На площади кипела бурная, но какая-то нездоровая жизнь. Несметное количество палаток, павильончиков, киосков хаотично теснили друг друга, занимая всю большую территорию. Сотни людей уезжали из столицы домой — в подмосковные города и посёлки. Одни — после трудной, но всё же найденной работы, другие — после бесполезных поисков её. Людская масса растекалась между киосками и павильонами, покупала что-то в дорогу, что-то для неблизкого дома. Многие наскоро перекусывали прямо здесь, возле заполненных обёртками и разным мусором урн.

Купив в газетном киоске пачку сигарет, Карабанов огляделся. Ни одного улыбающегося лица. Словно какая-то незримая, но в то же время огромная тяжесть давила на людей, и они, сжимаясь под нею, отрешённо жевали еду, мрачно несли свои тусклые лица мимо таких же сумрачных обличий.

— Для кого мы ломали ту жизнь? — неожиданно спросил Карабанов. — Для них?

Он показал на площадь. Потом глянул на газетный киоск, возле которого стоял.

— Или для них? — ткнул пальцем в выставленный за стеклом журнал. Слепцов обернулся. Всю обложку занимала цветная фотография: Ельцин и вокруг него известные олигархи.

Глава четвёртая

После той встречи они больше не виделись. Но каждый раз, подумав о докторе, Павел вспоминал и разрываемую горечью, сбивчивую речь Карабанова, и влажный блеск серых глаз под нависшими веками. Поэтому сказав сейчас о ямах в мутной воде, он несколько не преувеличивал того провала, в котором оказался бывший товарищ.

— У него неприятности, — торопясь быстрее насытиться, проговорил с набитым ртом Слепцов.

— Эт какие же? — с иронией спросил Нестеренко. — Мало мути в воде для Марка?

— Марк не здесь. В Штатах он. Только в тюрьме, — сказал Слепцов почти словами Карабанова.

— Ни хрена себе! — воскликнул удивлённый Нестеренко. — За што ж эт его?

— С бензином чево-то мухлевали. Их там целая шайка-лейка была.

— Жалко, у нас этим шайкам раздолье, — помрачнел Андрей.

— Но это не все неприятности. Дочка у него... Младшая...

— Леночка? — подсказал Волков. Он вспомнил красивую девочку, которую видел у Карабановых после их приезда из Америки, и нежность, с какой доктор глядел на свою любимицу.

— Леночка, Леночка... Сергей встретил её на Ленинградке... Среди проституток.

— Как! — вскрикнули одновременно Волков и Нестеренко. А Савельев отодвинул тарелку с бифштексом и мрачно проговорил:

— Это уже не неприятность. Это беда.

Слепцов пересказал разговор с Карабановым. Поражённые, все четверо молча взялись за еду. Павел после выпитого осмелел, стал есть не торопясь, тем более что уже основательно насытился. Он даже забыл, когда последний раз видел такое изысканное изобилие на столе.

— Я ж вам говорю, Виктор: ему самому... Карабасу самому нужна помощь, — сказал Слепцов, вглядываясь в лицо журналиста. Он его видел всего один раз, на той давней весенней охоте, и потому не особенно запомнил. Тем не менее, ему показалось, что Виктор не сильно изменился за девять прошедших лет. Единственное, что сразу заметил Павел — это обилие седины при довольно моложавом ещё облике.

— Жалко, конечно, человека, — откликнулся Савельев. — Но... (он молчал, глядя в глаза Слепцову) за што боролся, на то и напоролся. Также как с выборами Ельцина в 96-м... Сколько внушали людям: граждане, народ, опомнитесь! Неужель не видите, што натворил Ельцин со своей, как вы говорите, шайкой-лейкой?.. Дальше будет только хуже. Так оно и получилось. Я с братом жены поругался. Он мне: буду голосовать за Борис Николаича. “Почему?” “Свободу дал”. А сам на работу ходит уже два раза в неделю. Зарплату не видит по несколько месяцев. Завод — такие станки делали! за границу продавались! — завод почти встал.

— Но ты же помнишь, што начала вытворять к выборам ельцинская камарилья, — проговорил Волков с неожиданной для него злостью. — Особенно перед вторым туром. Ташка от возмущения чуть инфаркт не получила. Вырвал её с телевидения. А то остался бы вдовцом. Лгали круглые сутки! Да нет, не лгали... Это даже нельзя назвать ложью! Бандитизм это! Преступление! С утра до ночи показывали кадры, как кто-то кого-то расстреливает. Больше всего смаковали выстрелы в затылок. По всем каналам, особенно по гусинскому НТВ, повторяли: “Так будут делать коммунисты, когда вернутся к власти”. Зюганова, который по всем опросам опережал Ельцина, изображали Гитлером. Да Геббельс им в подмётки не годится! Заправлял всем этим какой-то Малашенко...

— Знаю, — сказал Савельев. — Работал в международном отделе Цек-Ка, а в последний горбачёвский год — у него консультантом. Потом перебежал к Гусинскому, возглавил НТВ и стал хулить вчерашнюю кормилицу свирепее своего идейного учителя Яковлева.

— Чево же не хватало этим перевертышам? — возмутился Нестеренко. — Жили ведь получше, чем весь народ.

— Денег, Андрюша. Денег. Купили их за большие деньги. А большие деньги мог дать только воровской ельцинский режим. Штобы переизбрать его с рейтингом в три процента, правительство стало продавать за границу даже государственные драгоценности. Огромные капиталы бросили для победы Ельцина олигархи. Спасая его, они спасали полученные, благодаря Ельцину, сказочные богатства. Я сказал тебе, за сколько был продан “Уралмаш-завод”. А кто купил? Некий Бендукидзе. Ещё недавно заведовал маленькой лабораторией... клетки животных изучал. Жил в однокомнатной квартире и носил единственные золотанные джинсы. А потом Ельцин с Чубайсом дали ему возможность накупить безымянных ваучеров у нищих людей и стать хозяином “Уралмаша”. Разве такие не будут спасать Ельцина? “Наличку” раздавали миллионами. Покупали популярных певцов, танцоров, знаменитых режиссёров, артистов... Помнишь историю с коробкой из-под ксерокса? Полмиллиона долларов! Поймали прямо на проходной Белого дома двоих помощников Чубайса. И чем кончилось? Прокуратура не нашла хозяина этих денег. Где-нибудь в мире такое возможно?

Савельев разволновался. Он ввязался в ту избирательную кампанию на стороне Зюганова. При всех своих сомнениях относительно него Виктору казалось, что это наиболее оптимальный кандидат. В случае победы олигархические средства массовой информации, по команде хозяев, будут следить за его деятельностью через увеличительное стекло. Не то что ошибочные, даже правильные шаги станут подвергаться жёсткой критике, как внутренней оппозицией, так и зарубежными силами, кровно связанными с российской олигархией. Работать президенту будет трудно. Но такая обстановка заставит его действовать строго в рамках закона. А главное — в интересах народа, который, в случае чего, может оказаться единственной поддержкой против проигравших сторонников ельцинизма. Савельев видел, как встречали Зюганова на Всемирном экономическом форуме в Давосе — словно будущего пре-

зидента России. Помогать Ельцину в избирательной кампании отказались даже те американские политтехнологи, которые за четыре года до того привели к власти Клинтона. “Мы можем участвовать только в выигрышных кампаниях”, — заявили они, объясняя, что законным путём Ельцин выиграть не может. И приводили аргументы. Он стар, сильно болен (перенёс два инфаркта), косноязычен, хронический алкоголик и бессовестно лжив. А главное, развязал войну в Чечне, породил невероятную коррупцию, упразднил социальные блага и почти лишил миллионы людей пенсий. Поэтому вместо прежней популярности имеет ненависть обманутого и обнищавшего народа.

Впрочем, Виктор сам знал это лучше американцев. Массовые опросы показывали, что мнение “при коммунистах было лучше, и мы хотели бы вернуться к прежнему” полностью разделяли 30 процентов населения. Ещё 33 процента в значительной мере соглашались с такой оценкой. Потрясены были и демократы первой волны — такого опущения жизни они не могли представить. Возврата к советской власти эти люди не хотели, но и Ельцин вызывал отвращение. Миллионы граждан готовы были поддерживать Зюганова не из любви к нему, а из-за ненависти к Ельцину и его режиму. Самым распространённым стал лозунг, рождённый на родине Ельцина в Свердловской области: “У кого в голове полено, тот пусть голосует за ЕБээНа”. Савельев не мог простить Ельцину ни разворванной страны, ни разрушенной экономики, ни расстрела парламента в октябре 93-го, когда его самого едва не убили озверевшие омоновцы при уходе из Белого дома.

Помня разгул извращённой, всё переворачивающей с ног на голову лжепропаганды о защитниках парламента в 93-м, Виктор был готов к чему-то подобному и во время избирательной кампании. Но действительность показала, что геббельсы нового времени способны на такое, до чего не доходили даже их предшественники. На голодную, измородованную страну обрушился Великий Потоп клеветы и дезинформации. Миллиарды украденных у народа денег заговорили продажными устами купленных знаменитостей и полуживыми голосами зомбированных бедняков. Двадцать три часа пятьдесят пять минут в сутки дикторы, комментаторы, корреспонденты, “простые телезрители” работали на Ельцина. И только подлинные “интересанты” сохранения ельцинизма любой ценой — олигархи: Березовский, Гусинский, Ходорковский, Смоленский, Фридан, Авен, Потанин, Виказав перед выборами угрозу противникам действующего президента, теперь не озвучивали публично своих пристрастий. За них работала армада спущенных с цепи нравственных извращенцев от пропаганды.

Чтобы участвовать в борьбе с максимальной отдачей, Савельев взял в редакции отпуск. Это дало возможность ездить по разным городам, выступать на митингах и собраниях избирателей. Он не уклонялся от споров с противниками. Наоборот, искал их, чтобы на глазах слушателей фактами опровергать ложь ельцинистов. Как журналист, он располагал большим количеством информации, а отчаянный по натуре и порой резкий до грубости, не раз публично позорил оппонентов. Особенно не церемонился с теми, кто в заслугу Ельцину ставил “создание класса собственников” с помощью приватизации, и утверждение “настоящей демократии после подавления коммуно-фашистского парламентского мятежа в октябре 93-го года”. Однажды во Владимирской области, на собрании в районном Дворце культуры, Виктор даже устроил потасовку с ельцинским агитатором. Владимир Волков, которому он рассказал об этом, неодобрительно покачал головой. “Надо, Витя, словами их бить. А кулаком действовать — так народ оттолкнёшь”. Но Савельев на этот раз был не согласен с близким товарищем. “Добро должно быть с кулаками!” — часто повторял он слова известного поэта и потому несколько не жалел о том происшествии на встрече с избирателями.

Зал мест на 400 был полон. Люди стояли и вдоль стен. Для агитаторов и члена участковой избирательной комиссии — молодой блондинки с серьёзным лицом, на сцене поставили стол и традиционную трибуну. Представителями Ельцина выступали двое: средних лет женщина — завуч местной школы и небольшой, подвижный мужчина с откормленным лицом, которого представили как предпринимателя. Савельев был один. Завуч довольно сдер-

жанно, словно выполняла не очень приятное поручение, рассказывала о Ельцине. Говорила, как он боролся за интересы народа с партийной номенклатурой и лично с Горбачёвым, как ему трудно работаете сейчас, “поскольку кусают Бориса Николаевича всякие критики, вроде Зюганова, а сами ещё ничего не сделали”. Виктор до собрания поговорил с разными людьми, в том числе с учителями, а потому без труда дезавуировал все похвалы Ельцину.

— Всё, што появилось в нашей жизни плохого за последние годы, — заявил он, встав не за трибуной, а рядом с ней, — всё имеет прямое отношение к Ельцину. При нём, а не при ком-то, страну залила преступность. При нём стали нищими миллионы людей. Его счета в зарубежных банках называют газеты, а он молчит. Если молчит, значит, правда. От него берёт начало коррупция в ближайшем окружении и как зараза распространяется вширь и вглубь. Все социальные блага, которые были у народа, Ельцин отнял. В школе... в вашей школе (показал на завуча) дети падают в обморок от голода. Может, вам лично (снова жест в сторону оппонентки) зарплату дают, но остальные учителя её не видят. Детские сады за взятки берут бизнесмены, и матерей вынуждают сидеть дома. При этом даже мизерные пособия, на которые ребёнка нельзя прокормить и двух дней, не платят по полгода. Отцы тоже остаются дома, поскольку заводы прекращают работу.

Савельев заранее узнал у журналистов местной газеты про состояние здешнего градообразующего завода, который, будучи продан, на 90 процентов сократил число рабочих. Несколько раз Виктор касался заводских дел, и детальное знание ситуации, знакомой большинству сидящих в зале, находило у них поддержку.

Но если женщину-завуча Виктор в какой-то мере пожалел — ему было видно, что она отстаивала Ельцина против воли, то за предпринимателя взялся основательно. Невысокий, сытый по виду мужчина с запомнившейся Виктору странной фамилией Назаретов, стал преподносить в качестве одной из главных заслуг Ельцина приватизацию. А для Савельева это была кровоточащая тема. Когда он изучал документы для будущих статей, его трясло от гнева. Иначе как огромной диверсией против государства Виктор эту операцию не называл.

— Господин Назаретов уверяет нас, што приватизация по Ельцину создала в России класс собственников. Классе, как все, наверно, понимают, это нечто большое, многолюдное... Не десять тысяч человек... Не двадцать... А хотя бы миллион. Тем более, для 86-ти миллионов трудоспособного населения страны это совсем не много.

Виктор сделал паузу, взгляделся в зал:

— Есть тут хоть один собственник? С нефтяной скважиной? С угольной шахтой? С заводом? Ну, в крайнем случае, с маленькой обувной фабрикой или цехом мороженого?

В зале засмеялись.

— Нет. Это и понятно. Приватизация Ельцина—Чубайса задумывалась не ради вас. Она сделала собственниками... владельцами фантастических богатств сделала не миллионный класс, а небольшой отряд. Вроде пионерского. Но пионеров жадных, как голодные волки. Нас — десятки миллионов граждан — обманули. Просто ограбили. И государство получило крошки с воровского пирса.

— Надо было спешить! — громко сказал из-за стола Назаретов. — В других странах также было.

— Вы обратили внимание, товарищи: надо было спешить! Я вам сейчас объясню, почему торопились Ельцин с Чубайсом. Но сначала про другие страны. В одном только 94-м году ведомство Чубайса — Госкомимущество — продало около 47 тысяч государственных предприятий. В том числе таких, как ваш завод. Запомнили? 47 тысяч! Российская казна за них не получила даже одного миллиона долларов! А в тот же год в Чехии приватизировали в два раза меньше предприятий — около 25 тысяч. И как вы думаете, сколько пришло в чешский бюджет? Миллиард двести миллионов долларов! Вы понимаете разницу? Миллион и миллиард с лишним!

В зале зашумели, какая-то женщина крикнула:

— Стервецы они там, в этом имуществе!

— Кто они есть, судить вам. А теперь — почему спешили. Верховный Совет России, тот, который Ельцин расстрелял в октябре 93-го, принял закон о приватизации. В нём записал: приватизационные чеки — каждый равен десяти тысячам рублей — должны быть только именными. Но Ельцину внушили, а мы теперь знаем, как это не трудно сделать с алкоголиком, што приватизацию надо проводить иначе и решительному человеку. С подачи Гайдара президент поставил во главе Госкомимущества Чубайса. И тот придумал, как обойти закон. Уговорил Ельцина издать указ, которым вместо именных чеков были введены обезличенные ваучеры. Теперь у ловких людей появилась возможность скупать эти самые бумажки и на них приобретать заводы, фабрики, нефтепромыслы, комбинаты.

— Што вы хотите? Дело было новое, а на новой дороге кто не спотыкается, — опять громко, чтобы услышали и в дальних рядах, заявил Назаретов. — Незначительные ошибки у каждого могут быть. Наверно, были они и у Анатолия Борисыча.

— Незначительные? — переспросил Савельев. — Ну-ка, товарищи, оцените сами. Лишь за один год приватизации потери от разрушения экономики страны превысили потери в Великой Отечественной войне в два с половиной раза! Представляете масштаб этих “незначительных ошибок”? Четыре года самой разрушительной в нашей истории войны нанесли стране меньше ущерба, чем один год приватизации по Ельцину—Чубайсу! Да и были эти “ошибки”, как вы понимаете, я беру это слово в кавычки, далеко не случайными. Большинство предприятий продавалось иностранцам. Через подставных людей, по ценам в сотни раз дешевле, чем они стоили. Например, московский автозавод имени Лихачёва, который стоил один миллиард долларов, продали всего за четыре миллиона. В 250 раз дешевле! Челябинский тракторный завод, где было 54 тысячи работников, отдали за два миллиона двести тысяч долларов. В Европе столько стоит небольшая пекарня. Представляете? — пекарня и завод, где пятьдесят тысяч человек. Недавно Ельцин приехал в Челябинск... На встречу с избирателями. Ему стали кричать: “Долой!”, “Убирайся!”, “Ограбил страну!”.

Но самое преступное, што Чубайс с Ельциным стали продавать оборонные предприятия, приватизация которых вообще была запрещена законом. Я вам приведу только два примера из многих сотен. Американская фирма приобрела контрольный пакет акций курского завода “Кристалл”, где выпускались важные детали для ракетного комплекса “Игла”. После этого уникальную технологию американцы забрали себе, а мы остались и без ракет, и без завода.

Савельев специально упрощал разговор, чтобы донести до людей серьёзную информацию. Он видел, что в зале даже движения не было: так внимательно слушали люди.

— И второй пример. Некто Джонатан Хэй купил 30 процентов акций московского электродного завода и работающего с ним в паре института “Графит”. Это были **единственные** в стране (Савельев сделал ударение на слове “единственные”) разработчики графитового покрытия для космических аппаратов и авиации. Здесь была создана несгораемая “рубашка” для нашего космического “Бурана”. Тут же готовилось графитовое покрытие для военных самолётов — вы, наверное, слышали про самолёты-невидимки, сделанные по технологии “стэлс”. После покупки Хэй сразу отказался выполнять заказ наших военно-космических сил и стал работать на американскую корпорацию.

По залу покатались волны ропота. Люди нервно заговорили другу с другом. Сидевшая за столом завуч встала и ушла в боковую дверь на сцене. Во втором ряду поднялся крупный мужчина лет сорока.

— Скажите, а кто привёл нам этого Ху... как вы сказали: Хей? Он чей вообще?

— Заместитель Чубайса. Кадровый сотрудник ЦРУ. Чубайс пригласил для такой приватизации больше двухсот иностранцев. Среди них оказалось несколько десятков американских кадровых разведчиков. Представляете,

сколько государственных секретов, сколько технологий уникальных они перетащили в Штаты. А наши заводы уничтожили...

— Да кто ж его держит — этого Чубайса? Его расстрелять мало! — раздался возмущённый голос. — Может, Ельцин ничего этого не знал?

— Держит Ельцин. А знал он всё доподлинно. Я вам называю только отдельные факты, а подробные сведения посылали Ельцину и Черномырдину Генеральная прокуратура, Счётная палата, контрразведка ФСБ.

— Господа! Господа! Вас обманывает этот человек! — нервно вскочил за столом Назаретов и показал пальцем на Виктора. Предприниматель уловил настроение зала — оно было резко против Ельцина. — Борис Николаич уволил Чубайса из вице-премьеров. Он учёл недовольство народа — ваше недовольство, господа! и расстался с ним.

В зале послышались саркастические возгласы. Какая-то женщина громко, с насмешкой, спросила соседку:

— Ты почему, госпожа, пришла в рваных колготках? Миллионов што ли нет?

— Забыла нарисовать! — со смехом ответила та. — Сейчас возьму вон у того — за столом — карандаш и нарисую.

Савельев тоже хмыкнул, довольный реакцией народа.

— Как раз врёт именно он, — кивнул Виктор в сторону Назаретова. — Ельцин убрал Чубайса из правительства, чтобы дать более ответственное задание. Знаете, где сейчас “приватизатор всея Руси”? Руководит избирательным штабом Ельцина! Вся эта бешеная ложь о Зюганове по телевизору и в газетах — дело Чубайса с подручными. Газету “Не дай Бог!” видели?

— Кладут в ящики! Видели! — раздалась выкрики. — Тошнит от неё! Безобразие!

Виктор и сам не предполагал, что такое возможно. Перед началом избирательной кампании страна вдруг увидела новую газету. С необычным названием: “Не дай Бог!”, красочную, на великолепной бумаге и омерзительную по содержанию. Как говорили Савельеву даже сторонники Ельцина, читать её нормальным людям — “всё равно, что есть дерьмо”. Она была вся — от первой до последней буквы — нацелена на дискредитацию Зюганова. Его не просто сравнивали с Гитлером — прямо называли фюрером. В статье “Зюг Хайль!” говорилось, что пока одни политики работают в меру сил, чтобы преодолеть стоящие перед страной трудности (это Ельцин-то?), другие предпочитают спекулировать на них с целью добраться до власти. “Именно таким образом, — писала газета, — в 1933 году пришёл к власти в Германии Адольф Гитлер. И именно таким способом пытается сегодня стать президентом России Геннадий Зюганов”. В газете под своими именами и фотографиями выступали против Зюганова не только купленный российский кино-, театральный и эстрадный бомонд, но и оплаченные зарубежные артисты, которые, если и видели противника Ельцина, то разве что на фотографии. А без подписей, анонимно, печатались совсем фальшивки — письма якобы сторонников Зюганова. Специально с грамматическими ошибками, с грубым, корявым текстом, с обещаниями всех пересажать и перестрелять, “когда мы придём к власти”.

В каждом номере многостраничной газеты разные авторы повторяли одни и те же тезисы: если победит Зюганов, в России вспыхнет гражданская война, наступит голод, начнутся массовые репрессии, расстрелы.

В одном из номеров было напечатано “Письмо из будущего” вроде бы простого россиянина: “Страну нашу по просьбам трудящихся, может, слышал, переименовали — теперь мы живём в Зюгославии. Столица Зюгодан называется. Недавно денежную реформу провели. Новые деньги ввели — зюгрики. Ходят по городу оборзюги. Все — с зюгомётами. А в помощь им совсем пацанов, подзюганков набирают — из активистов “Гитлерзюгенда”. Телевизор не включают уже. Там каждый день два фильма крутят — “Небесный зюгоход” да “Зюгарка и пастух”.

Редакция предлагала читателям сочинять такие “письма”, а в качестве награды обещала турпоездку за границу. “В одну из тех стран, граждане которых проголосовали правильно”.

Избирательный штаб Зюганова протестовал, обращался в избиркомы и суды, но там на всю эту вакханалию не обращали внимания. Даже когда в одном городе-миллионнике, по приказу местных властей, во всех магазинах с прилавков и витрин убрали продукты, а вместо них разложили газету “Не дай Бог!” с фотографиями и статьями о Большом голоде (смотрите, что будет в случае победы Зюганова!), разгул тотальных подтасовок не остановился. Газета продолжала выходить каждую неделю 10-миллионным тиражом и бесплатно раскладывалась по почтовым ящикам в городах и посёлках российской провинции. Ельцинская власть вместе с олигархатом тратили на её выпуск громадные деньги, которых хватило бы кормить средних размеров город. Но цель оправдывала средства. Если учесть мнения социологов, что каждый номер обычно читают в среднем три-четыре человека, то информационному изуверству подвергались до 40 миллионов избирателей.

Напомнив залу об этой газете, Савельев снова заговорил о предстоящем голосовании во втором туре. В него вышли Ельцин и Зюганов. Первый набрал 26 миллионов голосов, второй — 24 миллиона. Но за бортом остались ещё 20 с лишним миллионов. Тех, кто голосовал за других кандидатов. За них и развернулась ожесточённая борьба.

— В ближайшие дни будет решаться судьба нашей страны, — сказал Виктор. — Вами будет решаться. Вашим разумом. Подумайте, на кого вы можете надеяться. За генерала Лебеда проголосовали 11 миллионов человек. Однако Ельцин пообещал ему большую должность, и генерал продал свою армию тому, с кем боролся. Сейчас они должны сделать выбор. Так же, как миллионы других. Некоторые думают: што может решить один мой голос? Но миллионы складываются из единиц! И если мы поймём, што от каждого из нас зависит, как будет завтра жить его семья, а послезавтра — его внуки, мы откажем в доверии ельцинскому режиму. У нас была возможность иметь другую страну. Многие из вас, может быть, помнят, как осенью 93-го года руководители 62-х субъектов Российской Федерации из 88-ми потребовали от Ельцина отменить свой антиконституционный Указ о ликвидации Советов в стране, снять осаду Белого дома. В случае неисполнения пригрозили перекрыть все дороги в Москву, объявить всеобщую забастовку, прекратить поставку продуктов и перечисление денег. Если бы они сделали это раньше, чем Ельцин начал расстрел народного парламента, мы жили бы сейчас в иной стране и, может, по-другому....

— Правильно Борис Николаич их опередил! — крикнул Назаретов, пербив Савельева. — В этом Белом доме... Ха! Народный парламент! Там собрались одни красно-коричневые. И защищать их пришли подонки! Надо было всех расстрелять! Тех и других.

Виктор вдруг почувствовал, как у него часто-часто забилося сердце. После 93-го это происходило каждый раз, когда что-нибудь напоминало о тех страшных днях. Он повернулся к маленькому, откормленному человечку, уставившемуся на него злыми чёрными глазами, и, чётко выговаривая каждое слово, сказал:

— Я был там, господин Назаретов. Выходит, тоже подонок? Как и ни за што убитые люди?

— Они получили по заслугам!

Савельев стремительно подошёл к предпринимателю. Тот сообразил, что противник сейчас ударит его по лицу, и выставил вперёд руки. Но Виктор перехватил его кисти и, как щётками по барабану, начал хлестать назаретовскими же руками по откормленной физиономии человечка.

— Перестань! Ты што делаешь, коммуняка?

В зале сначала изумлённо замолчали, а потом по рядам покотился смех. К Савельеву подбежала блондинка из участковой комиссии, стала отгаскивать от предпринимателя. Тот вырвал наконец руки и замахнулся на Виктора. Но тренированный журналист увернулся, и Назаретов ударил по голове девушке.

С гамом, смехом, с угрозами предпринимателя подать на Савельева в суд собрание закончилось, и, уходя, Виктор с удовольствием слушал, как люди обсуждали сказанное им, как ругали Ельцина, и тогда ему казалось, что при

таком настрое народа, а он этот настрой чувствовал на многих встречах, не бывать больше нынешнему президенту во власти. Однако результаты повторного голосования потрясли журналиста. Человек, достойный, по глубокому убеждению Савельева, тюрьмы, вместо этого получил поддержку немалой части растоптанного народа.

Теперь, по прошествии двух с половиной лет, острота потрясения вроде бы притушилась, но достаточно было Виктору вспомнить тогдашнее послевыборное торжество ельцинистов, как глаза наливались кровью и прежний гнев, смешанный с презрением, искажал его лицо. А презирал Савельев, с трудом признаваясь в этом даже себе, именно ту самую часть народа. Да, на него обрушились небывалый в истории словонад дезинформации, прямой лжи и подсудной клеветы. Но разве слушающий всё это безработный инженер, голодная мать, разорённый крестьянин не видели по собственной жизни, при ком они получили свои беды? Поэтому, соглашаясь сейчас с Волковым по поводу массированного зомбирования миллионов людей, Виктор не снимал вины и с самих этих миллионов.

— Малашенки и другие, как говорит Андрей, “перевёртыши” — это, конечно, продажная шушера, — сказал Савельев. — Кто больше заплатит, тому будут служить. Но народ-то наш! Народ!... Што ж он за глина такая, из которой то и дело лепят топор на его собственную шею?! Я не могу себе представить, как в какой-нибудь другой стране люди знали бы столько же про убийственные дела своего президента и захотели добровольно снова дать ему власть.

— Народ, — сыто усмехнулся Слепцов. — Мой хозяин, у которого я работал сторожем на даче... из этих, какие разбогатели в один момент... он мне сказал однажды... Я ему тоже вот так: “А как же народ?..” Он поглядел на меня... знаете, как на козьяку глянул, поглядел и сказал: “Народ... Плюнь ему в рот — обижается... Два, говорит, полагается”.

— И ты не дал ему по морде? — рыкнул Нестеренко.

— Как дашь, когда кормит.

— Тогда ты и есть козьяк!

— Конечно, за такое, Андрей, можно любому хозяину врезать, — согласился Савельев, с лёгкой брезгливостью глянув на Слепцова. — Но объясни мне, как может голосовать за Ельцина мать убитого в Чечне солдата, отец парня, которому вместо института дорога только в наркоманы и бандиты, как родители проституток не зачёркивают ненавистную фамилию? Сейчас любой бомж скажет тебе, што приватизация в России — это “прихватизация”, што залоговые аукционы — это бесплатная раздача самых драгоценных “жемчужин” индустрии, таких, как “Норильский никель”, нефтяные и газовые месторождения, нескольким банкирам за их поддержку на выборах. Разве этого мало, штобы народ вышвырнул Ельцина из власти?

— Ты ещё забыл 93-й год, — сказал Волков. — Вот где преступление, цена которого — виселища.

— Не забыл. Не знаю, как вы, а я, наверно, буду помнить это до конца жизни, — нахмурился Савельев.

— А я-то уж тем более, — произнёс Нестеренко. — Вместе с первомайским подарком ношу и октябрьский.

Глава пятая

Первое время после разрушения Советского Союза Андрей Нестеренко считал депутатов Верховного Совета РСФСР такими же врагами, как Горбачёва и Ельцина. Ведь они почти поголовно (188 — за) поддержали Беловежское соглашение, которое ликвидировало Советскую державу. Против голосовали только 6 человек. Вот эти шестеро и были, по мнению Андрея, настоящими представителями народа. Остальных он презирал и даже не интересовался их делами. Тем более, жизнь пошла такая, что надо было, прежде всего, думать о семье. Усыхающую пенсию матери не платили по три-четыре месяца. Детский сад, где работала жена, закрыли и всех воспитателей

уволити. Завод почти остановился. Новый директор (прежний, демократ, пристроился в каком-то департаменте у Гайдара) как-то ухитрился находить микроскопические средства, но их не хватало даже на оплату электричества и мазута для котельной. Несколько цехов отключили от тепла, и они стояли мрачные, холодные, словно декорации для фильма о конце света.

Андрей искал любую возможность заработать. Не оставляя завода, в гараже у себя начал ремонтировать электрическую проводку машин. Постепенно клиентов становилось больше, но все они были такие же нищие, как Нестеренко, и у него не поворачивался язык запрашивать высокие цены, хотя провода он покупал за свои деньги.

Чтобы уйти от перекупщиков, электрик начал связываться с кабельными предприятиями, с которыми до разрухи сотрудничал его завод. Так пришла мысль самому стать связующим звеном между кабельщиками и небольшими потребителями. Занять одну из ниш ликвидированного Госснаба.

Переговорив с директором, Андрей взял под склад маленькую подсобку в своём остановленном сборочном цехе. На заработанные деньги купил компьютер. Экономил на чём только можно. Сам договаривался с заводами и покупателями, на своей машине ездил за кабелями и развозил их по клиентам. Был грузчиком, продавцом и даже бухгалтером. Семье жить стало немного легче. Андрей мог бы начать успокаиваться, но происходящее в стране, наоборот, всё чаще приводило в гнев. Ельцинская власть по всем направлениям действовала против поверившего ей народа. Обманула с ростом цен и отняла все сбережения. Провела жульническую операцию с ваучерами — Нестеренко, как миллионы других, вложил все бумажки семьи в какой-то инвестиционный фонд, а тот безнаказанно пропал. Только когда началась скупка за ваучеры заводов, Андрей понял, где всплыли эти бесплатно собранные у населения “картинки Чубайса”. Позволив вмиг разбогатевшим прохиндеям вывозить миллиарды за границу, власть обрекала на голод и вымирание миллионы остальных граждан. Поэтому в массовые акции протеста Нестеренко включился без колебаний.

Радовало и то, что так же были настроены его товарищи: Владимир Волков и Виктор Савельев. Правда, журналист, в отличие от учителя, ходил не на все демонстрации. Зато при встречах много рассказывал о начинающихся разногласиях между Ельциным и депутатами Верховного Совета России. Нестеренко сначала слушал об этом равнодушно.

“Одна гоп-компания, — сказал как-то Савельеву. — Того и тех надо гнать”.

Но с каждым разом всё внимательней прислушивался к словам товарища, начиная понимать, что Верховный Совет становится последней преградой на пути вероломных действий кремлёвского властолюбца. К осени 1993 года симпатии всех троих были уже на стороне парламента. И когда Ельцин издал Указ о роспуске Верховного Совета России, Нестеренко возмутился не меньше остальных двоих.

В первые дни противостояния товарищи обсуждали развитие событий по телефону. Савельев несколько раз бывал в Белом доме и после каждого возвращения оттуда рассказывал Волкову и Нестеренко о положении в парламенте. Уже в день появления Указа, 21 сентября, в Доме Советов по приказу московского мэра Лужкова была отключена всякая связь. В отличие от сопливых “путчистов” августа 91-го, которые не догадались отключить даже городские и междугородние телефоны, здесь было “обрублено” всё, включая телевидение. Через два дня столичный градоначальник велел отключить свет, тепло и горячую воду. А как раз в это время начало резко холодать. Необычно ранняя осень покрыла снегами необрунные хлебные и картофельные поля Нечерноземья. Снег с дождём принесло и в Москву. Минусовая температура случалась уже не только ночью, но и днём. Огромное белое здание стало напоминать замерзающий корабль.

Отрезанный от мира парламент не имел возможности донести стране свою оценку ситуации. Сведения из Белого дома разносились, как из осаждённой крепости, листовками и добровольными информаторами. Оппозиционная пресса блокировалась.

Зато ельцинисты круглые сутки заливали страну ложью о сторонниках Конституции, называя их “красно-коричневыми”, пьяницами и дегенератами, которые убивают сотрудников милиции и противодействуют президенту навести порядок в стране.

28 сентября Савельев позвонил товарищам из редакции и сказал, что недавно вернулся от Белого дома. Его изолировали окончательно. По всему периметру оцепили “спиралью Бруно”, за этой колючей проволокой стоят бронетранспортёры, повсюду посты ОМОНа и милиции. Не пропускают ни машины с продовольствием и горючим, ни “Скорую помощь”. Виктор сообщил также, что в воскресенье 3 октября будет митинг на Октябрьской площади. Он был намечен давно, задолго до этих событий. Однако теперь станет грандиозной акцией в поддержку парламента. Ведь с требованиями прекратить блокаду, дать в Белый дом свет и тепло выступили руководители субъектов Федерации. Тысячи людей готовы встать на стороне Верховного Совета. Сам же он, сказал Савельев, попробует проникнуть в Белый дом, как журналист. Если не получится, пойдёт на митинг.

1 октября Виктор позвонил опять. Говорил из телефона-автомата за пределами оцепления. Сообщил, что в Доме Советов ненадолго включили свет, дали горячую воду, а главное, — должны пропустить корреспондентов. В основном иностранных. Им ельцинисты хотят показать, что никакой блокады парламента нет. Заодно пройдут и немного российских журналистов. “Я с ними, — сказал Виктор. — Вечером расскажу вам с Володей”.

Но ни вечером, ни на следующий день Савельев не позвонил. Волков разговаривал с его женой. Она была в панике. Ей сказали, что Дом Советов снова наглухо изолирован, а милиция избивает всех, кто приближается к оцеплению.

В воскресенье Андрей Нестеренко объявил матери и жене: “Иду на митинг. Теперь каждый человек — дополнительная сила”.

Они встретились с Волковым в вестибюле станции метро “Октябрьская”. На площади уже собралось много народу. Милиционеры по мегафону требовали разойтись. Предупреждали, что митинг запрещён властями. Накалённая толпа то тут, то там вступала в стычки с милицией. Послышались призывы: “К Дому Советов!”, “Долой блокаду!” Людская лавина, выстраиваясь на ходу в колонну, двинулась в сторону Смоленской площади. Перед Крымским мостом Нестеренко оглянулся. Подтолкнул Волкова:

— Ты погляди!

Сзади шла огромная, шириной во всю улицу Крымский вал, людская река, конца которой было не видно. Владимир снова вспомнил армейскую науку старшины Губанова и стал определять “сэгмэнты”:

— Тысяч под триста. Если не больше.

В это время головная часть колонны, где они оказались, начала перестраиваться и уплотняться. Идущие в первых рядах мужчины двигались всё быстрее, пока колонна не перешла на ускоренный шаг. Топот тысяч ног превратился в грозный гул. На Смоленской площади колонну встретили кордоны милиции и ОМОНа. Они попытались задержать лавину, но были смяты. Скандируя лозунги: “Банду Ельцина — под суд!”, “Руки прочь от Советов!” люди отбирали у омовцев щиты и дубинки, но самих бойцов не били. “Мы не бандиты! Мы — народ!” — раздавались выкрики теперь уже из бегущей людской массы.

В таком же порыве передние шеренги достигли заграждений вокруг Белого дома. Сразу началась агитация стоящих в оцеплении солдат внутренних войск. Переговоры скоро закончились братанием. На сторону Верховного Совета перешли двести солдат дивизии имени Дзержинского и рота Софринской бригады внутренних войск. Воодушевлённые демонстранты обнимались с солдатами, ветераны с орденскими колодками на пиджаках жали руки молодым бойцам, ребята в униформе угощали сигаретами.

Волков и Нестеренко тоже не сдерживали эмоций. Улыбаясь из-под усов, учитель втолковывал худощавому солдату, что тот и его товарищи поступили ответственно, не направив оружие против стариков, женщин и детей, которые в это время радостным толпами шли к разгороженному Бело-

му дому. А там уже начинался митинг. Многие выступающие говорили о том, что отрешённый от должности, по решению Конституционного суда, Ельцин последнее, что может сделать для спасения себя от тюрьмы — это не допустить кровопролития и отдать приказ о полном отводе войск и военной техники от Дома Советов.

Но в тот самый момент, когда к площади перед парламентом ещё подходила основная многотысячная масса демонстрантов, отставшая от передовой колонны, в спину безоружным людям началась стрельба из автоматического оружия из здания мэрии и гостиницы “Мир”.

Сразу были убиты несколько человек и десятки ранены. Народ заметался по площади, пытаясь укрыться от пуль. В разных местах раздавались крики: “Они начали первыми! Патриарх их должен проклясть!” Это люди напоминали об обещании Алексея Второго предать анафеме тех, кто первый прольёт кровь.

Началась суматошная организация отрядов. Вооружённые и безоружные сторонники парламента пошли на штурм мэрии. Волков и Нестеренко оказались среди них. Андрей нёс омовенский щит. Владимир шёл с милицейской дубинкой. Захват лужковской резиденции произошёл стремительно. Уже через полчаса были заняты пять этажей. С балкона мэрии коротко выступил генерал-полковник Макашов. Когда произнёс: “Больше нет ни мэров, ни пэров, ни херов!”, Нестеренко весело рассеялся: “Вот это правильно! А то развели веякую вшивоту”.

Вернувшись на площадь перед Белым домом, товарищи вспомнили, что тут где-то может быть и Савельев. Но вскоре поняли: найти журналиста в большой мигрирующей массе народа маловероятно. Поскольку оба оказались здесь впервые после августа 91-го, с интересом ходили от баррикады к баррикаде, постояли возле временного деревянного креста, рядом с которым было устроено что-то вроде походной часовенки. Останавливались у палаток: похоже, в них холодными ночами пытались уснуть женщины и ребяташки, которые сейчас то носили какие-то ящики для костров, то подходили к кресту и слушали меняющих друг друга священников.

— Виктор, скорее всего, в здании, — показал на Белый дом Волков. — Работа журналиста сейчас там.

Помолчал и добавил:

— Вот где собирается исторический материал.

Они подошли к подъезду, но охрана внутрь не пустила. Не очень расстроенные, товарищи двинулись к большой группе людей, выстроившихся возле двух грузовиков. И вдруг услышали голос Савельева:

— Зря вы оголяете Белый дом! — громко сказал он мужчине в мятой шляпе и лёгком пиджаке, только что закончившему призывать к “походу на Останкино”. — Они не отдадут телевидение. Аппаратуру выведут из строя, но не допустят к эфиру. А люди нужны здесь.

Интеллигентного вида предводитель махнул рукой на Савельева и приказал забираться в кузова машин.

— Витя! — вскричал Нестеренко. — Вот так “везуха”! Мы с Франком и не надеялись.

Товарищи с радостью потискались друг друга, стали рассказывать, что происходит в городе и что здесь. Савельев повеселел, видя, как площадь и все окрестности заполняет людское море.

— Теперь Ельцину ханá! Такую массу народа не задавить. Завтра Совет Федерации берёт на себя временное управление...

— Ну, вот, а ты говоришь: не дадут телевидения, — заметил Нестеренко. — Как раз сейчас и надо рассказать всей стране. Поехали? Тебя-то пропустят.

— Нет, ребята. Мне надо поговорить с Хасбулатовым. Когда всё закончится, напишу большой материал. А вы езжайте, — показал он на отобранный у омовенцев автобус, который заполняли молодые мужчины, девушки.

Чем ближе подъезжал автобус к Останкино, тем мрачней становился Волков. Кто-то сказал, что в телецентр для его защиты направлено спецпод-

разделение “Витязь”. А Владимир знал подготовку этих ребят. Потом увидели едущие в том же направлении машины с омоновцами. “Эти не простят своего позора”, — показал учитель Андрею в окно на сидящих в кузове милицейских “отморозков”.

Но когда добрались до Останкино, Владимиру показалось, что он ошибся. Шёл митинг. Выступающие без особой агрессии требовали пустить в телецентр представителей Верховного Совета и дать им возможность “рассказать России правду”. Так продолжалось довольно долго. От Белого дома приезжали машины и автобус, выгружали новые партии людей и отправлялись за следующими. Стали подходить демонстранты основной многотысячной колонны. Она двигалась медленно, что было вполне объяснимо: в колонне шли не только крепкие мужчины, но и ветераны-старика, женщины с детьми, поскольку погода в этот воскресный день выдалась хорошая, и многие воспринимали дальнейший поход после разблокирования Дома Советов как праздничную демонстрацию. В густеющих сумерках ничего тревожного не наблюдалось.

Тем неожиданной взревел впереди мотор грузовика, зазвенели разбитые стёкла, и тут же началась ошеломляющая, интенсивная стрельба. Многие сначала ничего не поняли, но через секунды, увидев падающих рядом соседей, услышав крики раненых и искажённые лица убитых, остающиеся в живых сами забились в истерику, стали разбегаться, ища хоть какое-нибудь укрытие.

— Што ж они, суки, делают! — заревел Нестеренко, обернувшись к учителю. Тот мгновенно сжался, словно приготовился к прыжку.

— Мы ничево не успеем. Перекрёстный огонь. К ним не подобраться, — быстро говорил Волков, озираясь по сторонам.

А стрельба нарастала с каждой минутой. В наступившей темноте от двух зданий телецентра в обезумевшую толпу сверкающими светляками летели трассирующие пули, и смертельный этот поток рвал людей, прошивал машины “Скорой помощи”, пытающиеся подъехать ближе к десяткам разбросанных по площади тел, зажигал брошенные грузовики.

— Надо отступать, Андрей! — бросил товарищу Волков. Он увидел, как к площади двигаются несколько бронетранспортёров. Послышались голоса: “Наши подошли!”, “Дадут убийцам!”. Но Владимир по обстановке понял: подошло, наоборот, подкрепление к расстрельщикам. БТРы приблизились к многотысячной толпе и открыли огонь на поражение. Крики и вопли поднялись такие, что моментами заглушали грохот пулемётов. Где-то рядом послышалось: “Миткову сюда! С камерой! Пусть снимет своих эсэсовцев!”

— Ух, блин! — вдруг вскрикнул Нестеренко и схватился за левую ногу выше колена.

— Ранен? — тревожно спросил Волков. Он быстро усадил товарища на асфальт. Пуля вошла в мякоть, кровь заливала штанину. Учитель снял рубашку, надел куртку на голое тело. Вспомнив спецназовское обучение, перевязал рану. Пригибаясь, потащил Нестеренко к оказавшимся поблизости кустам. Пули вжикали над головой, ударялись в асфальт.

— Всё, Андрюша. Главное сейчас — вырваться отсюда. Думаю, скоро начнут окружать и прочёсывать.

Нестеренко попробовал встать. Глухо ойкнул. Волков положил его левую руку себе на плечи, и они медленно двинулись по тёмной пустой дороге. Когда дошли до освещённой улицы, Волков спросил у прохожего о ближайшей больнице. Идти дальше было трудно и опасно. Владимир остановил машину, не зная, кто там: свой или чужой? Оказался противник Ельцина. В больнице Андрею сделали перевязку — пуля, к счастью, не задела кость. Хотели отправить в палату, но Нестеренко наотрез отказался. Его ждал Владимир, который считал, что надо как можно быстрее увезти Андрея из Москвы. По жестокости расстрела тысяч абсолютно безоружных людей Волков почувствовал, что бойня у Останкино — это не конец, а только начало репрессий. “Раз они пошли на это, значит, сжигают мосты, — сказал он Андрею. — Теперь им — дорога по трупам. А если так, то начнут проверять и больницы”.

Снова остановив частника, товарищи поехали к Трём вокзалам. Уже выбираясь с трудом из машины, Нестеренко проговорил:

— Витя нас, наверно, ждёт. Не знает, чем кончился поход.

— Отвезу тебя, и утром поеду к Белому дому. Встретимся с ним...

Но ни на следующий день, ни днём позднее их встреча не состоялась...

В ночь с 3-го на 4 октября Савельев почти не спал. Сначала его потряс не только вид раненых, которых привозили из Останкино в Дом Советов, но и их количество. Виктор встречал каждую машину, вглядываясь в темноте в лица, надеясь и в то же время боясь увидеть товарищей. Их не было, а это означало одно из двух: или убиты, или сумели уйти. Но если б ушли, то появились у Белого дома. А если нет среди раненых и вернувшихся живых, то где?

Виктор старался подавить щемящие мысли разговорами с защитниками “оплота Конституции”, как он назвал для себя Дом Советов, представлениями о завтрашнем дне. Ходил от костра к костру, садился погреться, поражаясь выдержке многих людей, оказавшихся возле Белого дома в лёгкой одежде ещё в погожие дни, да так и не сумевших выбраться за тёплыми вещами.

Потом, устроившись на стульях, он начал было засыпать, но разбудила возня и приглушённый шум среди иностранных журналистов. Они явно получили какую-то команду по своим спутниковым телефонам. Стали торопливо собираться, кое-как укладывая аппаратуру и тревожно глядя на своих российских коллег.

— Это не к добру, — сказал Савельев знакомому журналисту из яростной оппозиционной газеты.

С плохими предчувствиями снова лёг на стулья, подложив сумку с диктофоном, зонтом и блокнотами под голову. В комнате было ещё темно, когда зыбкий сон оборвали звуки выстрелов. Виктор сел на стульях, не понимая, где стреляют. Подшагнул к окну и в слабеющих утренних сумерках увидел, как на том самом месте, где он сидел вчера поздним вечером у костра, “восьмёркой” ходит бронетранспортёр, давя походную часовенку, палатки, женщин и детей в них и одновременно стреляя из пулемёта по убегающим безоружным баррикадникам. Несколько человек упали и лежали неподвижно. Другие, видимо, раненые, пытались ползти к подъезду Белого дома, но БТР опустил ствол пулемёта и начал стрелять по мёртвым и недобитым. Лежащие на асфальте вздрагивали, и казалось, люди ещё живы. Но это крупнокалиберные пули рвали и подбрасывали силой удара уже безжизненные тела.

С этих минут начался кошмар расстрела парламента. Некоторые депутаты накануне перебежали к Ельцину, но большинство оставалось в здании. Тут же находились сотрудники аппарата, работники столовой, различных технических служб. В здании оказалось много женщин и детей. Савельев не знал, сколько народу точно: одни говорили — десять тысяч, другие называли меньшее количество. Но то, что людей в Доме Советов много, журналист видел и сам. Те, кто не занимал оборону, собрались в зале Совета национальностей. Он находился на третьем этаже, внутри дома, был без окон, и это делало помещение безопасным, поскольку стрельба началась непрерывная. Били пулемёты БТРов. Поливали из автоматов омоновцы. Стреляли по любой движущейся цели снайперы. А потом раздались залпы танковых орудий. Снаряды рвались на верхних этажах. Знакомые депутаты и офицеры охраны раза два рассказывали Савельеву содержание радиоперехватов. По ним Виктор понял, что уничтожены должны быть все. В первую очередь Руцкой и Хасбулатов.

Не имея оружия, он добрался до зала Совета национальностей. В нём было сумеречно — свет давали только несколько свечей, и тепло от сотен собравшихся людей. В полумраке Виктор разглядел двоих знакомых журналистов, поздоровался с некоторыми, знающими его, депутатами. От взрывов танковых снарядов вздрагивало всё здание, но люди не паниковали. Сдержанно, без надрыва, вели себя женщины. Глядя на них, бодрились мужчи-

ны. Плакали только раненные дети, но их в этом зале, к счастью, было пока не много.

Особенно томительно переносилась неизвестность. Выстрелы почти не затихали. В зале, даже при закрытых дверях, слышны были крики, усиленные мегафоном команды. Чтобы узнать, что происходит, в грохот смертоносного обстрела время от времени выходили депутаты и журналисты. Возвращались то с одной, то с другой надеждой. Поначалу кто-то сообщил, что ожидается прибытие представителей субъектов Федерации. Потом ждали членов Конституционного суда во главе с его председателем Валерием Дмитриевичем Зорькиным.

С самого начала расстрела из Дома Советов по рации обращались к кому только можно с призывами прекратить огонь, дать возможность вывести хотя бы женщин и детей. В ответ слышался мат, обещание перестрелять всех находящихся в здании коммуно-фашистов.

Через несколько часов в зал вошли представители парламента с двумя офицерами “Альфы”. Спецназовцы прибыли по своей инициативе. Перед этим они провели переговоры с Руцким, Хасбулатовым, Макашовым и другими руководителями обороны о сдаче. Ввиду безвыходности ситуации предложение было принято. Теперь офицеры начали разговор с теми, кого они собрались выводить под своей защитой. Один из них — высокий, с мужественным лицом, в ответ на вопрос, как его зовут, ответил: “Называйте Володя”. Он сказал, что “Альфа” не хочет никого убивать, что они гарантируют вывод всех находящихся в Белом доме людей, независимо от того, депутат он или нет.

Вместе со всеми Савельев был выведен во двор. Руцкого и Хасбулатова увезли отдельно. Остальных — кого повели к автобусам, кого просто отпустили за пределами ограждения. Группе, в которой был Виктор, предстояло идти в сторону гостиницы “Мир” и мэрии. Но там за ограждением, едва сдерживаемая офицерами “Альфы”, бесновалась толпа разъяренных людей. Савельев вспомнил выход работников ЦК КПСС на Старой площади, и неприятный страх замедлил движение. Сзади шёл известный депутат. Виктор знал его ещё с российских выборов в марте 90-го года. Узкая, вытянутая вверх лысая голова, похожая на узбекскую дыню, энергичный голос уверенного в своей правоте оратора. Он был безоговорочным солдатом Ельцина. С гордостью носил единственную в своей жизни медаль “Защитнику свободной России”, которую получил после ГКЧП. Но ещё до того Виктор увидел эту “демократическую дыню” на Старой площади, среди ревуших крушителей тоталитаризма. Несколько дней назад они встретились в осаждённом Белом доме. “Как же смеет Ельцин топтать Конституцию?” — с возмущением проговорил тогда депутат. “Так же, как вы два года назад нарушили Конституцию и развалили Союз, — напомнил Савельев. — Бумеранг вернулся назад”. Теперь идущий сквозь беснующийся строй люди надеялись только на защиту “Альфы”. В них плевали, пыгались достать кулаками, матерно обзывали и, если бы не скалоподобные спецназовцы, ни один человек не прошёл бы к автобусу без разбитого лица.

Чтобы не видеть озверелости негодующего людского коридора, Виктор шёл, глядя себе под ноги. Неожиданно рядом раздался вроде бы когда-то слышанный им голос. Савельев поднял взгляд, и что-то знакомое показалось ему в лице обрюзглого, с нависшими на глаза веками мужчины. Больше того, ему даже почудилось, что мужик как раз узнал его и с какой-то вспыхнувшей яростью дёрнулся к нему. Но тут Виктора подтолкнул идущий сзади депутат, и он ускорил шаг.

При посадке в автобус сопровождающий офицер сказал, что их развезут подальше от Белого дома, а если кто захочет выйти раньше, может это сделать. Савельев решил сойти первым: у станции метро “Маяковская”. Это была прямая линия до его дома. Но не успел сделать нескольких шагов, как рядом затормозил милицейский “уазик”. Выскочившие два омоновца с автоматами направили оружие на журналиста и велели садиться в машину.

Его привезли в какое-то отделение милиции. Ещё в машине, где сильно пахло спиртным, отобрали сумку, тычком ударили в зубы, а когда ввели в

помещение, сразу начали избивать. Он успел только крикнуть: “Я — журналист. Отпущен из Белого дома”, как подбежали и те, кто находился за перегородкой дежурного. Бить стали прикладами автоматов, ногами в тяжёлых ботинках, кулаками. Доставившие Савельева громко объясняли остальным, что они от Белого дома следили за автобусом, что две других машины ещё едут за ним, что эта сучья “Альфа” сама заслуживает хорошей дубинки и надо всех переловить, кто “мочил наших ребят”. Потом остановились, вывернули у Виктора карманы, тот, кто достал удостоверение журналиста, бросил его на грязный пол, каблук ботинка повернулся на нём, а бумажник передал старшему. Увидев растоптанное удостоверение, пьяные омоновцы и милиционеры взбеленились ещё сильнее.

— Ты, б...ь, писака сраный!.. От таких, как ты, вся зараза!

— Чево его держать? Счас я его пристрелю!

Рукояткой пистолета Савельева ударили по голове. У него стали подкашиваться ноги, но в последний момент Виктор понял: если упадёт, его убьют. Удары влетали со всех сторон. Кто-то попал в глаз, и Савельев словно ослеп. Били под рёбра, по почкам, по лицу, по голове. Рот наполнила горячая жидкость — Виктор понял, что это кровь. Уже едва стоящего на ногах, его вытащили в задний двор и поставили лицом к стенке. В какой-то смутности кольхнулась мысль: смерть надо встретить лицом. На подгибающихся ногах он с трудом повернулся и увидел прямо перед собой дуло пистолета. Но в этот момент открылась дверь и кто-то крикнул:

— Брось его! Привезли новых! Бабу привезли!

Тут же из дверей выбежали два милиционера. Вместе со стоящим возле Виктора омоновцем они схватили журналиста и не столько отвели, сколько оттащили в камеру.

В маленькой камере лежали и сидели пять человек. Савельева подняли с пола, положили у стены, чтобы не дотрагиваться до избитого человека и не добавлять боли. Сознание было, как при глубоком опьянении: все плыло, кружилось, куда-то проваливалось. Иногда проходила мысль: пока не застрелили... пока жив... В коридоре снова кого-то били, потом из дальней камеры донеслись крики насилуемой женщины. Мужчины в камере заволновались, но они сами были избиты и взаперти.

Утром в камеру вошли двое: майор и вчерашний дежурный, сержант. Он почему-то бил Виктора рукой в перчатке, и после каждого удара голова как будто отрывалась.

— Где тут Савельев? — спросил майор сержанта. Тот переводил взгляд с одного лица на другое и не узнавал.

— Кто Савельев? — повторил майор, обращаясь теперь к сидящим в камере. Держась за стенку, Виктор поднялся:

— Я.

— Выходите, Виктор Сергееч.

В кабинете, куда журналиста привели под руки, майор с сожалением сказал:

— Нам приказали задержать и допросить каждого, кто был в Белом доме. Сотрудники разозлены... Их можно понять: возле вашего Белого дома убито несколько работников милиции. Мы не будем вас допрашивать... Хотя могли бы. Вот ваши вещи. Диктофон. Блокноты. Бумажник... Вы, наверное, потеряли деньги там... где защищали врагов президента... Удостоверение... Испорчено немного... Но вам, я знаю, дадут новое.

Виктора на милицейском “уазике” довели до самого дома. Откуда они узнали адрес, его затуманенное сознание на это не отреагировало. Потрясённая жена вызвала “скорую помощь”. Савельев долго лечился, а когда вышел из больницы, все увидели у молодого ещё человека необычно обильную седину. Он писал заявления в прокуратуру, опубликовал статью о Белом доме и зверствах милиции — к собственному опыту добавилось много других фактов. В какой-то момент появилась даже надежда. Новый Генеральный прокурор России Казанник, когда-то отдавший своё место в Верховном Совете СССР Ельцину, а после Кровавого Октября поставленный президентом-должником на пост блюстителя законности, публично заявил: “Допросив тысячу

военнослужащих, мы получили следующие доказательства: ...**события 4-го октября надо квалифицировать как преступление, совершённое на почве мести, способом, опасным для жизни многих, из низменных побуждений**".

Но прокурора-идеалиста через пять месяцев вынудили уйти, а на его место ельцинские кадры поставили сначала жулика, потом — угодливое подобострастие.

Глава шестая

С годами горечь тех чёрных дней немного ослабевала, однако совсем забыть их, а также поведение людей по обе стороны разделительной черты Савельев не мог. Тем более что каждое напоминание опять сдёргивало с рубцующейся раны утишающую боль повязку времени. Вот и сейчас, услышав в уютном ресторане слова Волкова о 93-м годе, он как будто снова прошёл и ад горящего парламента, и ревущую толпу, и милицейскую пыточную камеру.

— Ты говоришь: достоин виселицы? — раздумчиво проговорил Савельев, глядя куда-то мимо товарища. — Согласен с тобой. Это самое подходящее место, где должен висеть не портрет Ельцина, а он сам. Но я не могу и другого забыть. Народа нашего в те дни. Не всего народа... Пусть части его, но какой! Ты видел кадры, как стоящие на мосту рядом с танками люди реагировали на выстрелы по Белому дому? Молодые мужчины... С детьми на руках... Веселились... Некоторые даже аплодировали удачным попаданиям. А там в это время погибли их ровесники... Такие же русские люди... И это один и тот же народ... Наш народ... А посмотрел бы ты на лица тех, кто встречал нас при уходе из Белого дома. Готовы были разорвать.

— Таких, Витя, немного, — сказал Волков. — Они боялись потерять полученное от ельцинизма.

— Интересно, чево терял Карабас? — негромко проговорил Слепцов. — Он ведь тоже там был.

— Вон как! — воскликнул Савельев. — То-то мне показалось знакомым лицо! Я ведь видел вас, Павел, и его... как он: Сергей? всего один раз. И помнится, мы не поняли друг друга. Вы уже тогда стояли на другой стороне.

Услыхав слова Слепцова, Нестеренко заволновался. Посмотрел на Волкова:

— Чёрт, как хорошо, што ты не отвёз тогда меня в больницу к Карабасу. Верно угадал: шарили везде.

— Я после Белого дома долго не мог спокойно проходить мимо стадиона, который рядом, — сказал в волнении Савельев. — Знаете, иду — и сердце, кажется, лопнет. Дышать не могу. Душат слёзы... Это у меня-то слёзы! А душат... На заборных столбах стадиона... На каждом столбе чёрно-белые снимки убитых... Студент, 18 лет... Инженер, 28 лет... Школьница, 16 лет... И так десятки... сотни. Какие ж это боевики?! А их по приказу Ельцина расстреляли...

— Ельцин — враг народа, — тихо, но с убеждённой каменностью произнёс Слепцов. — Его люди, убивающие безоружных, озверели. А почему? Он снял с них ответственность за зверские дела. На себя взял. Это самая большая вина. Антихристовая. Власть захотел сохранить. Я тоже ходил мимо того стадиона. Каждый раз, когда глядел на фотографии, со слезами в душе, с криком немим просил Бога: "Господи! Не оставь ты зверей в двуногом обличии без своего праведного гнева! Накажи ты их невиданными карами! Их накажи! Ихних детей накажи! Штобы все знали — и они сами — эти убийцы, и дети их, штоб знали, как страдали безвинные люди, терзаемые ельцинскими зверями".

— Не Бога надо просить, — оборвал его Нестеренко. — Свою голову иметь. Бог-то Бог, да сам не будь плох. А у тебя то сова, то Бог... Если бы все нормально соображали, Ельцина давно бы не было. Смотри, што натворил, паскудник! Страна разорена, людей пустил по миру.

— Ну, глядя на вас, этого не скажешь, — остывая от внутренних страданий, проговорил Слепцов. — “Новые русские”.

Он нетрезво подёргал полу дорогого нестеренковского пиджака.

— Повезло вам.

— Везёт тем, кто везёт, — отбросил его руку Андрей. — Ты на нас не гляди. Мы — исключение из правил. Если не считать воровских олигархов, то таких, как мы, раз-два и обчёлся. Володю ученик нашёл. Много ума в них вкладывал. Я чуть ли провода не грыз... Царапался, чтоб вылезти из ямы. Витя — у него профессия прокормит. А вот миллионы пошли с котомками. И сейчас идут. Особенно после дефолта. Некоторые только из “мусорки” вылезли — Ельцин их — раз! и опять туда.

— А они до сих пор не понимают, от кого беда, — усмехнулся Волков. — Перед Новым годом встретил свою бывшую — не знаю, как сказать: директрису? завуча?

— Это которая хотела врагов царапать? — вспомнил Савельев Старую площадь.

— Она. Даже сначала подумал: ошибся.

В тот раз Волков опять был без машины с шофёром. Незадолго перед тем он вернулся из Франции и, чтобы снова почувствовать обычную московскую жизнь, проехал на работу, как делал иногда, на метро. Вышел из подземного перехода и, прежде чем двинуться в сторону своего офиса, который был дальше по улице, огляделся. Площадь у входа в метро, почти вкрутовую охваченная зданиями, напоминала какую-то огромную кастрюлю, где кипела, булькала и колыхалась людская каша. После августовского дефолта, когда разорилось много средних фирмочек и мелких предпринимателей, значительная часть выброшенных из экономического бульона людей, чтобы выжить после очередного ельцинского удара, перетекала в самую простую, примитивную торговлю. Возле станций метро, в подземных переходах, на тротуарах с раннего утра вырастали лёгкие лотки, открывались складные будочки, расставлялись длинные ряды дощатых ящичков. Всё это было заложено и завешено мужскими носками, женскими бюстгалтерами разных размеров: от крошечного блюда до астраханского арбуза, трусами, стиральными порошками, самой ходовой сантехники и множеством других товаров первоочередной необходимости, которые к ночи собирались, складывались и загружались в помятую иномарку или старые советские “жигули” и увозились до следующего утра.

Волков уже двинулся было к своему офису, арендуемому в новом современном здании, как вдруг услышал где-то в людской толчее призыв газетчицы:

— “Спид-инфо”! Газета “Спид-инфо”! Покупайте, молодой человек! Это газета для вас!

Владимир остановился. Подумал, что ошибается. Голос был похож на овцовский, но в то же время заметно отличался. Вместо жёстких интонаций в нём слышалась усталая хрипотца и какая-то придушенность. Волков пошёл на голос и вскоре увидел газетчицу. Это была Нина Захаровна. Одета в толстый, немодный пуховик, в тёплые штаны, заправленные в сапоги, Овцова держала на левой согнутой руке пачку газет. На этой же руке висела большая и, похоже, тяжёлая сумка. Женщина опасалась ставить её на грязный, в окурках и плевках, асфальт и время от времени поддерживала сумку правой рукой.

Волков не хотел подходить. Он понимал, какая это будет неприятная для Нины Захаровны встреча. Однако газетчица тоже увидела его и криво усмехнулась. Владимир подошёл, поздоровался.

— Откуда вы такой нарядный? — сумрачно спросила она. — Прямо как “новый русский”.

— Из Парижа.

— Из Парижа? — не поверила Овцова.

— Ну, да! Вы ведь мне предсказывали... Быть в Париже... Как всем противникам революции, работать дворником.

— И вы им работаете? — с сарказмом оглядела дорогую одежду Волкова Нина Захаровна.

- Нет. Я работаю вице-президентом французско-российской компании.
- Ну вот, благодарите нас. Мы вам такую жизнь устроили.
- А другим? — сурово спросил Волков. — Десяткам миллионов?

Окинул взглядом поношенную шапку, старые захватанные очки, обветренное лицо, на котором, как маленькие раскаляющиеся конфорки электрической плиты, начали проступать красные пятна.

- Себе вы тоже такую жизнь хотели?

— Я, как миллионы других, получила свободу. Вам этого не понять, што это такое, когда нет никакого насилия, когда человек свободен и может делать всё, што захочет.

Волков не стал продолжать бесполезный для него разговор. Отходя, он снова услышал громкие, с хрипотцой призывы:

— “Спид-инфо”! Покупайте газету “Спид-инфо”! А вам, молодой человек, рекомендую взять и пачку вот этих... да, гофрированные... А хотите — с усиками...

Владимир ещё не успел отойти далеко, как вдруг услышал неожиданно изменившийся голос Овцовой:

- Ну, почему, сержант? Чево плохого я делаю? Если хотите, можете...

— Не положено! — перебил плаксивые причитания мужской бари-тон. — Ты долго ещё будешь собираться? А ну-ка, проваливай, тётка!

— Я потом позвонил в школу, — сказал Волков заинтересованно глядящим на него товарищам. — Узнал... Нина Захаровна работала на какой-то частной кондитерской фабрике. Дефолт их разорил. Овцова сразу пошла в отдел образования. Всё-таки была директором... видная активистка. Места не нашлось. Посоветовали попроситься в нашу же школу. Она пришла к Надежде Аркадьевне — это одна из фурий Овцовой. В директора её рекомендовала Нина Захаровна. Но та отказалась взять свою бывшую благодетельницу хотя бы учителем химии.

— Говорю ж тебе: волчьи нравы, — заметил Нестеренко. — Даже зайцы становятся волками.

- А вы на охоту ездите? — спросил Слепцов.

— Бывает, — сказал Волков. — Игорь Фетисов помер, ездим втроём.

— Не дождался Игорь Николаич карабановского рая, — усмехнулся Нестеренко. — Спросить бы сейчас с этого предсказателя, да он сам в дерьме. — А я оставил охоту. Ружья пришлось продать — оба... жить было не на што. Но я был всё равно ушёл от этого. Больше не подниму оружия. Даже на зверя. Хватит убивать. Ельцин... Чечня... Красные... Белые... Пусть Бог разбирается, кто прав, кто виноват. Человеку не дано... И на митинги не хожу... На демонстрации... Вы вот говорили про выборы... А мне они теперь совсем безразличны. Аня пошла, а я остался.

— Во, блин! — вскинул чёрные бровицы Нестеренко. — Только што сказал про Ельцина: враг народа, — правильно сказал, а теперь: не подниму ружья. Бог он, Пашка, неизвестно, когда накажет. Да и будет ли возиться? Церковь наша слишком уж добрая. Прямо по Ленину. Только тот звал учиться, а эта: молиться, молиться и ещё раз молиться... Дубину надо взять, врезать падле по башке за то, што невинных, как ты говоришь, убивал, а потом за него, грешного, помолиться.

— Бороться, Паша, за нормальную жизнь, достойную человека жизнь, надо на земле, — сказал Волков. — Каждый может это делать в меру своих сил и, конечно, разумения. Я, например, больше признаю политические методы борьбы. Поэтому поддерживаю кое-кого деньгами. Витя борется — идеи распространяет. Хотя сейчас на телевидение с такими идеями, где народные интересы присутствуют, не допускают... Там с утра до ночи из людей животных делают...

— А это тоже идеи, — вставил Савельев. — Давние идеи наших врагов. Старшее поколение оплевать, заставить детей презирать отцов, а из детей вырастить безмысленную траву. Надо сказать, многое им удалось. Поэтому ведут себя, как оккупанты. Прошлой осенью, когда исполнилось пять лет

Октябрьскому расстрелу, я встретил одну перепечатку. Из “Огонька” 93-го года. Статью Новодворской...

— Ф-ф-у, — с отвращением поморщился Нестеренко. — Мерзость...

— Да. Я взял ту статью... Хочу сделать работу... Её смысл: опора сегодняшней власти.

Савельев нагнулся, поднял стоящий возле его стула портфель.

— Вот послушайте, што написала после расстрела Белого дома Новодворская: “Мне наплевать на общественное мнение. Рискуя прослыть сыромядцами, мы будем отмечать, пока живы, этот день — 5 октября, когда мы выиграли второй раунд нашей единственной гражданской. И “Белый дом” для нас навеки — боевой трофеей. 9 мая — история дедов и отцов, чужая история”.

Виктор проглотил комок в горле, выпил минеральной воды. “Я желала тем, кто собрался в “Белом доме”, одного — смерти. Я жалела и жалею о том, что кто-то из “Белого дома” ушёл живым. Чтобы справиться с ними, нам понадобятся пули. Нас бы не остановила и большая кровь...”

Я вполне готова к тому, что придётся избавляться от каждого пятого. А про наши белые одежды мы всегда можем сказать, что сдали их в стирку. Свежая кровь отстирывается хорошо.

Сколько бы их ни было, они погибли от нашей руки, от руки интеллигентов. Оказалось также, что я могу убить и потом спокойно спать и есть.

Мы вырвали у них страну. Не следует винить в том, что произошло, мальчишек-танкистов и наших командос-омоновцев. Они исполнили приказ, но этот приказ был сформулирован не Грачёвым, а нами... Мы предпочли убить и даже нашли в этом моральное удовлетворение”.

Савельев закрыл папку, положил в портфель. Все сидели потрясённые. Наконец, Волков провёл руками по лицу, словно стирая с него что-то.

— А ведь это уголовное дело, — проговорил он. — Призыв к массовым убийствам и оправдание их.

— О чём ты говоришь? — воскликнул Савельев. — Кто судить-то будет? Свои? Ворон ворону глаз не выклюет.

— Это не человек, мужики, — трудно выговорил Нестеренко. Он вспомнил многотысячную колонну безоружных демонстрантов на Садовом кольце, смертельные трассирующие “светляки” из телецентра, грохот пулемёта БТРа по толпе женщин и детей возле Останкина. — Так не может думать человек... Тем более — говорить... Я сейчас же поручу найти её портрет...

— Разве можно, Паша, не бороться с этими нелюдьми, с их идеологией, с их властью? — обратился Волков к Слепцову. — У каждого свой метод борьбы. Сегодняшней борьбы. На земле... Андрей, тот вообще придумал невероятный способ. Наш Вольт борется унитазами. И у него неплохо получается.

Слепцов в недоумении оглядел по очереди каждого:

— Да ладно вам. Какие ещё унитазаы?

— С портретами, — сказал Нестеренко, — наливая в фужер апельсиновый сок. — Когда вы с Карабасом помогли развалить страну, я слово дал. Теперь выполняю обещание. Могу и тебе подарить... штобы помнил: в чьей компании оказался.

* * *

Андрей Нестеренко, действительно, слово сдержал. Но получилось не сразу. Пока он выбирался из безденежной трясины, было не до реализации замысла. Однако он о нём не забывал. Нашёл книги по изготовлению фаянса. На одном из кабельных заводов увидел помещение, где арендаторы начали выпуск керамической посуды, фотографий для могильных памятников и декорированных настенных тарелок. Продукция эта Андрея не заинтересовала, а вот о технологии производства он расспрашивал каждый свой приезд за кабелями.

Когда стал понемногу денежно “оперяться”, завёл разговор с директором своего завода. Тому нужны были хоть какие-нибудь деньги, и он разрешил в том же нестеренковском цехе поставить муфельную печь. Электричество Андрей пообещал оплачивать сам. Вдобавок, заводу — арендная плата.

Первые унитазы Нестеренко делал лично. В помощники взял безработного бригадира слесарей Анкудинова. Вдвоём смешивали глину, каолин и кварцевый песок. Сырую массу процеживали через сито. Вручную долго мяли. Некоторого оборудования ещё не хватало — не было денег, чтобы купить. Поэтому компенсировали энтузиазмом.

Андрей узнал, как серое сырое изделие сделать ещё до обжига белым. Для этого будущий унитаз надо покрыть тонким слоем ангоба — жидкой белой глины. Затем должна начинаться работа художника — на влажной поверхности создаётся изображение того, что увидят люди после нанесения прозрачной свинцовой глазури и обжига в муфельной печи.

Художника у Нестеренко не было, и они с Анкудиновым по очереди пробовали себя в непривычном деле. Первый портрет Горбачёва, который переносили на унитаз, глядя на фотографию “пятнистого”, оказался таким уродливым, что оба долго не могли отсмеяться. Этот унитаз Нестеренко взял себе, как память о начале нового дела.

Для росписи следующих изделий Андрей позвал художника, которого ему рекомендовал один из знакомых. Много заплатить не мог — расплатился унитазом. Художник продал его и получил хорошие деньги. Трое первопроходцев поняли, что это может стать хорошим бизнесом.

Однако Нестеренко помнил предупреждение Савельева: продавать нельзя, могут подать в суд за оскорбление личности. И он стал дарить. Знакомым. Знакомым знакомых. При этом всем объяснял: это подарок. Но люди понимали цену такому подарку и, в свою очередь, начали дарить обществу с ограниченной ответственностью “Очищение” различные суммы денег, как пожертвования меценатов. Производство фаянсовых изделий разрасталось. Андрей купил необходимое современное оборудование, расширил штат, приняв на работу людей из бывшего сборочного цеха. Унитазы шли нарасхват. В каждом блистало какое-то конкретное лицо. Сначала спросом пользовались изделия с портретом Горбачёва и “Беловежской троицы”. Все в цветном изображении, похожие, словно живые. Горбачёв глядел прямо на посетителя туалета. Ельцина, Кравчука и Шушкевича художник изображал барельефно, как когда-то рисовали Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Чтобы не обижать женщин, в унитазе размещались два портрета: на задней и передней стенке.

Потом интересы сдвинулись. После начала российского разрушения подскочил спрос на Ельцина, Гайдара, Чубайса, Черномырдина. При этом Горбачёв в сортирном рейтинге по-прежнему занимал почётные первые места.

Но настоящую революцию в унитазном бизнесе совершил новый молодой технолог “Очищения” Борис Механик. Он придумал то, чего никому не удавалось сделать в фаянсовом производстве за все века его существования. Андрей и сам не знал, как это получалось у Механика, однако фантастический результат потрясал. При попадании струи мочи на лицо изображённого “героя” лицо это начинало морщиться, хмуриться, брезгливо кривиться, словно было живым и испытывало мучительные страдания.

Так как фирма, кроме серийных изделий, выполняла индивидуальные заказы, портретный ряд мог быть расширен за счёт новых “героев” своего времени.

После внедрения ноу-хау Механика спрос на продукцию фирмы “Очищение” стал расти ещё быстрее. Теперь уже половину бывшего сборочного цеха, откуда когда-то выходили способные защитить страну зенитные ракетные комплексы, занимало производство унитазов с портретами тех, кто эту защиту разрушил. Поскольку изделия можно было не продавать, а только дарить, за ними на завод приезжали со всей страны. Кое-кто просил нарисовать сразу нескольких “личностей”.

О том, что частное стало переходить в общественное, Нестеренко догадался, когда поступил первый заказ на писсуар. В квартире, даже с двумя

туалетами, вряд ли кто будет ставить эту сантехническую штуковину. Значит, Лица пошли в массы. К тому же писсуары оказались гораздо лучше унитазов приспособлены для крупных, красочных портретов. Начало положила, как всегда, Москва. Здесь изделиями “Очищения” оснастили двадцать общественных туалетов. Однако традиционно ревнивый Петербург взял реванш в другом. Он установил портретную галерею разрушителей в тридцати туалетах.

Власти не сразу поняли, что их подставили. Ведь народ бил струями мочи в таких же, как они. Начался демонтаж унитазов и писсуаров. Но победа давалась с трудом. Днём сантехники изделия демонтировали, а следующим утром лица разрушителей опять ждали необычной расправы. У большинства туалетов вырастали очереди, как перед входом в самый популярный музей. Особый восторг вызывали конвульсии и гримасы обливаемых физиономий. Тем более, что к портретам главных разрушителей страны добавились изображения главных разграбителей России — олигархов и их пособников. Из общественных туалетов до стоящих в очереди то и дело доносился рёв удовлетворения. Это народ мстил тем, кого не мог наказать заблокированным правосудием.

Нестеренко был доволен. Он мобилизовал людей на критическое отношение к существующей власти не хуже, чем его товарищи своими партиями, митингами, газетами. И это сейчас лишний раз подтвердил Владимир Волков. Но Пашка, Пашка! Неужели они были когда-то близкими людьми, полностью понимали друг друга?

— Ты опять, Слепцов, не на той стороне, — проговорил Андрей. — Не посредине ты — между ими и нами, хотя тоже ничего хорошего: как дерьмо в проруби, а на ихней стороне. С теми, кто эту паскудную жизнь устроил. Чем больше таких, как ты — отстранённых, безразличных, тем лучше им. Безопасней творить свои дела. Значит, ты с ними. А против кого? Против тех, с котомками. Против своего отца, которого они убили. Да против себя ты!

Павел слушал бровастого соседа сначала без всяких чувств. Рассеянно помешивал ложечкой принесённый официантом кофе, мысленно готовился к скорому уходу из этой уютной обстановки в промозглый, сырой переход с текущей мимо него рекой озабоченных лиц. И вдруг представил отвратительно жирную Новодворскую, идущую мимо ограды стадиона, оклеенной портретами убитых юношей... таких, как его сын... торжествующую при виде этих вырванных из жизни детей, представил её довольных соратников и вспомнил слова Карабанова у газетного киоска. “Для кого мы ломали ту жизнь? Для них?” Поднял голову. Из провалов глазниц на товарищевой блеснул острый, как когда-то, взгляд. “Купили нас, дураков. Но, может, не до конца?” Волков понял его. Подумал: не страшно упасть. Страшно не захотеть вставать.

— Ты свою специальность-то не забыл? Не растерял в демократической дороге советскую науку? У меня освобождается место экономиста.

Нестеренко и Савельев с удивлением поглядели на товарища.

— Ладно, ладно вам. За битых двух небитых дают. А впереди ещё долгая борьба. Фирма “Очищение” не скоро останется без портретов.